

1663

В 35

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ФРАНЦ ВЕРФЕЛЬ

FRANZ WERFEL

B-35

ЧЕЛОВЕК ИЗ ЗЕРКАЛА

ПЕРЕВОД В. А. ЗОРГЕНФРЕЯ,
ПРЕДИСЛОВИЕ А. ГВОЗДЕВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ — МОСКВА МСМХИИ

Отпечатано 4.000 экз.
в Тип. „Коминтерна“
Гиз. № 3215 Р. Ц. № 2476
Петербург.

ЧЕЛОВЕК ИЗ ЗЕРКАЛА

SPIEGELMENSCH

МАГИЧЕСКАЯ ТРИЛОГИЯ

1920

ПРЕДИСЛОВИЕ

„Человек из зеркала“, „магическая трилогия“ немецкого поэта Франца Верфеля, появилась в 1920 году, в эпоху окрепшей и осознанной поэтической формулы экспрессионизма.

Экспрессионизм зародился в обстановке мировой войны, как протест против официально признанного насилия и лжи. Немецкие социологи, как, например, Макс Мартерштейг, констатируют, что „после героических настроений первых военных недель—среди молодежи быстро распространились идеи пацифизма, прежде всего в форме страстного возмущения против насилия в каком бы то ни было виде“. Один из главарей литературного экспрессионизма—Ренэ Шикеле, так характеризует тогдашнее настроение „молодых“: „Не было счастья в полумраке времени, хотелось вырваться из шума военной музыки и домашней культуры „задушевности“, в которой так отлично сохранился дикий зверь“.—Возникает немецкий активизм, стремящийся перейти от слов к делу, и, как только революция сбрасывает оковы военной цензуры, тотчас же журналы „März“, „Forum“ и „Aktion“ распространяют лозунги пацифизма, солидарности всех народов и ожесточенной борьбы с поработителями свободного духа. Молодежь чутко прислушивается к „голосу с Востока“, к идеям, провозглашаемым

в Москве, воспринимая их, как непосредственный отголосок и развитие учения „русских пророков“—Толстого и Достоевского.

Протест и возмущение направляются также против всей идеологии до-военного времени, подготовившей мировую бойню; против воспитания в строгой подчиненности чисто материальным заданиям, против принесения в жертву властолюбию и богатству драгоценных юношеских сил, против рабского подчинения „реальной политике“, не одухотворенной идейным содержанием. Усталая покорность превращается в бурное восстание, испытанные страдания научают ненавидеть слепую силу „власти“, принуждавшую к неслыханной жестокости на войне, и причину катастрофы усматривают в порабощении всего духовного.

Первые шаги нарастающего в такой обстановке искусства—это „хаотичный вскрик протеста“, пробивающийся в элементарных мощных разряжениях. Пацифистская тема—воплъ о мире, впервые слышится в лирике. Совместно с Эренштейном, Франц Верфель, один из первых, затронул ее в своих лирических поэмах. Отсюда она передалась драме, и быстро возник ряд страстных пьес, необузданных протестов против войны. Из них самый яркий—„экстатичный сценарий“ („Geschlecht“), Фритца-фон-Унру, бывшего прусского офицера, радикально изменившегося под влиянием нечеловеческого ужаса войны. Тот же неистовый протест, только более оформленный искусством,—в драме Рейнхарда Гёринга „Морская битва“, где трагедия разыгрывается в башне военного корабля, среди матросов, во время сражения в Скагерраке.

Искусство, рождающееся в водовороте стремительных душевных перемен и страстных переоценок, естественно насыщается этическим содержанием. Тем самым экспрессионизм отходит бесконечно далеко от поэтической игры

романтиков, от формул неоромантизма, от чарующих комедий Шекспира. Игривая легкость, сказочная фантастика, романтическая ирония—все эти эльфы, Пуки и гномы, так недавно еще порхавшие среди лунного леса на шекспировской сцене Рейнхардта, исчезают бесследно. Поэзия должна не играть, а формировать хаос. Вещное слово поэта творит новый мир, преодолевая косность материи свободной интуицией духовного бытия.

Тем самым экспрессионисты резко отграничивают себя от натурализма во всех его видоизменениях. Не воспроизведение действительности, а одухотворение ее; не подчинение материальным законам суровой „необходимости“, а утверждение духовной мощи человека,—таковы идейные предпосылки новой поэтики, приводящие к новым приемам *дематериализации и уничтожения иллюзии реальности* в романе, драме и на сцене театра.

Само название „экспрессионизм“ ставит новое направление в определенный контраст с „импрессионизмом“ начала XX века. Пассивное восприятие мира, вбирание впечатлений (impressions), нанизывание ощущений без интеллектуальной связи, одностороннее наблюдение за чисто физиологическими процессами нервных переживаний—все эти основы импрессионизма, приведшие в итоге к созерцательному эстетизму, к изысканной тонкости и изнеженности поэзии недавнего прошлого—решительно отвергаются экспрессионистами. Последние мыслят поэта во всей полноте, устанавливающей *нравственные ценности* деятельности судьи, реформатора и пророка. Спокойное, уравновешенное изучение „злодея“, с целью понять его объективно и всесторонне—сменяется в экспрессионистской драме определенными осуждениями, резкими „да“ и „нет“, громкими приговорами, словом, полным отходом от этического релятивизма поэзии эстетов, вроде Гофмансталя и Уайльда, и от аморального эстетизма ниц-

шеанства. В литературе воплощается ненавистное Ницше „сострадание“, поэты взволнованы чувствами всеобъемлющей любви и, свергнув Ницше, преклоняются пред Толстым и Достоевским. Проблемы социального неравенства, восстание угнетенных и оскорбленных, грандиозные реформаторские порывы и, вместе с тем, страстная жажда самоочищения и покаяния, доходящая до неистового экстаза, до судорожной агонии барочных святых,—вот новые темы и новый облик поэзии экспрессионизма, стремящейся к выражению того внутреннего духовного горения, которое охватывает поэта.

Новые темы разрабатываются в новом стиле и ритме. Характерным для ритма экспрессионистской драмы является повышение драматизма до экстаза. Чувства действующих лиц выходят из обычного круга взволнованности и напрягаются до крайнего эмоционального под'ема. Одно чувство, одна идея всевластно господствует над другими переживаниями. Создается своеобразная однобокость фигур, необычайно выразительных по определенности своего облика. Нечто резко противоположное всесторонности классицизма. Экстатичная устремленность в чаемый духовный мир была ненавистна гармоничному Гете. Теперь же экспрессионистам чуждо чувство гармонии, и в эпоху, когда мир содрогается в судорожных схватках, они хотят найти выражение этому современному ритму жизни.

Драматическая форма тяготеет к отрывистым фразам, лаконичным репликам, ритмизованным восклицаниям. Приемы кинематографа переносятся в драму. Монологи заменяются резким жестом. Недоговоренные фразы замещаются резким жестом. Недоговоренные фразы замещаются на многозначительном телодвижении. Некоторые пьесы пишутся краткими фразами из двух-трех слов, крайне простыми, словно взятыми из детского диктанта. Но это простота только синтаксическая, а в общей структуре драмы под ней скрыты сложные ритмические коле-

бания, стремящиеся передать взлеты и срывы напряженных душевных движений.

Иллюзия реальности сознательно разрушается. Внезапный переход от стихотворного ритма к повседневной прозе или же обратно—от прозы к стиху—подчеркивает отказ от натуралистических приемов. Той же цели служат и некоторые сценические приемы, как, например, перемежающееся освещение сценической площадки и применение движущихся декораций. Путем перенесения света с одного угла сцены на другой достигается не только быстрая смена места действия, но и уничтожение реалистической апперцепции сцены в восприятии зрителя и перенесение его в иной, не реальный, а поэтический мир. В сценах напряженной духовности свет также использован в целях сближения зрителя с дематериализованными образами. Так, в пьесе Гагенклевера „Jenseits“ (Пакт, с. 4-я) „стены комнаты расплываются, в тумане появляются очертания чужого города“—в момент, когда свершается духовное сближение возлюбленных. В той же драме декорации вовлекаются в действие, когда смерть героя завершает пьесу: „Невидимые руки уносят дом. Стены бесшумно падают, предметы погружаются в глубину, люстра поднимается вверх. Окно исчезает. Усиливающийся свет озаряет голову героя. Кажется, будто волны света исходят от его головы“.

В целом, новый немецкий театр знаменует решительный разрыв с мещанством и с моралью благополучия, выход из замкнутости эстетизирующих кружков, философское осознание духовного становления современности.

* * *

Драма „Человек из зеркала“ Франца Верфеля весьма рельефно отражает мироощущение экспрессионизма. Первым долгом, в постановке и разрешении основного драма-

тического конфликта, который может быть охарактеризован, как борьба эмпирического „я“ человека с его духовным началом. Герой магической трилогии Тамал вступает на путь нравственного очищения, устремляется к чисто духовному бытию, отрицает свое прежнее „я“, сжигает все, чему поклонялся раньше. Трилогия завершается конечной победой духовного начала, вхождением в монастырскую обитель, где эгоистическая воля к жизни преодолена и где царит всеобъемлющая любовь и растворение в ближнем. Но путь, по которому герой достигает спасительного очищения—сугубо тернист и мучительно грозен: он ведет чрез ряд преступлений и греховных падений (II часть трилогии), чрез раскаяние, покаяние и мученичество (III часть).

Мы встречаемся здесь с характерной для новейшей Германии этической установкой драматического сюжета, разрабатываемого в пессимистическом духе покаянных настроений. Тема взята очень широко, и тернистый путь к спасению, обрисовываемый в трилогии, вызывает память об аналогичных хождениях по мукам у Данте и в Фаусте Гете. Подобно тому, как у Данте дорога в Рай ведет чрез Ад и Чистилище, так и у Верфеля концепция „конечного добра“ чисто динамическая: „nur der blutig gehetzte gelangt ans Tor“—только чрез преступление и наказание открывается возможность спасения. И как у Гете Фауст заключает договор с Мефистофелем, так у Верфеля герой вступает в союз с „Человеком из зеркала“, который и ведет его от преступления к преступлению. Но завершение страстного пути облечено в глубокий пессимизм: нет ни видения творческой любви—Аморе Данте, ни перехода к стропильству в пределах возможного и достижимого, как у Гете. Напротив, Тамал вступает в обитель монахов, уходит от эмпирической жизни и сближается с духовным миром, лежащим по ту сторону жизненного строительства

и ближе всего напоминающим Шопенгауеровское преодоление воли к жизни. В этом конечном итоге дано как бы определенное осуждение всего нищезанятия, идеалов сверхчеловечества и богочеловечества, и от этого разрешения проблемы веет усталостью и разочарованностью послевоенных настроений Германии.

Отличие от идеологии импрессионизма явственно обнаруживается, если сравнить драму Верфеля с „Портретом Дориана Грея“ Оскара Уайльда, где тоже развивается образ „Человека из зеркала“. Дориан Грей, совершающий одно преступление за другим—*пассивно созерцает*, как искажаются и стареют черты лица на его юношеском портрете. Накануне трагической развязки Дориану приходит мысль о раскаянии и о покаянии, он говорит, что его „долг покаяться, испытать публичный позор и всенародно исповедаться“. Но он тотчас же отбрасывает эти мысли: „Покаяться? Махнуть на себя рукой и быть осужденным на смерть? Он засмеялся. Он почувствовал, что эта мысль чудовищна“.

Да, и в кругозоре до-военной Германии, в атмосфере нищезантующего модернизма мысль о покаянии показалась бы „чудовищной“. Эстетизм не допускал такого безвкусыя, и на покаянные мотивы русской литературы смотрели, как на диковинную экзотику. Но испытанные страдания научили многому и многое изменили. Герой Верфеля, этот кающийся Дориан Грей, вступает в активную борьбу с самим собой, со своим зеркальным отражением. Он отказывается от пассивного созерцания зла и, как истый активист, восстает против самого себя, когда узнает в страшных мучениях, что зло коренится в нем самом, в неиссякаемом эгоизме человеческой натуры, в самолюбовании и самопоклонении. За мощной сценой публичного покаяния Тамала (3-я сц. III части) следует еще более сильная сцена суда, где Тамал—судья, сам себя

судит и приговаривает к смертной казни. Пафос очищения мощным ритмом оформляет драму, и в глубоко современной оболочке ее чувствуется нечто от неистовой фанатичной религиозности Кальдерона. Если бы драма писалась до войны, вероятно, она закончилась бы сценой, где Тамал торжественно объявляет себя Богом (6-я сцена II части). Но изменившееся нравственное мироощущение логически требует третьей части трилогии, где Тамал принимает венец мученичества.

Осуществить широко задуманный идейный замысел в драматической форме—задача немалой сложности. Она разрешена Верфелем путем раздвоения облика главного героя на две фигуры, живущие самостоятельной драматической жизнью. С одной стороны, мы видим Тамала с его духовным порывом к очищению, с другой, пред нами двойник Тамала, его зеркальное отражение—*Spiegelmensch*, в котором как бы воплощается эмпирическое „я“ Тамала, все его эгоистические, невольно-себялюбивые инстинкты. И то и другое „я“ облечены в плоть и кровь сценических образов: двойник одет так же, как Тамал, только „более крикливо“. Его облик трансформируется, в зависимости от перипетий, изживаемых душевной эволюцией самого Тамала, и он является последовательно в ряде различных образов, каждый из которых дает драматическое и сценическое воплощение осуществленных и неосуществленных возможностей отпадения Тамала от истинного пути спасения. Борьба Тамала с самим собой овеществляется, таким образом, в конкретных столкновениях с двойником, выносятся из сферы абстрактной концепции и развиваются в ряде многообразно оттененных сцен, за которыми зритель следит с неослабевающим интересом.

Нет сомнения, что фигура двойника—*Spiegelmensch*'а—наиболее удачно и талантливо задумана и выполнена. Его появление из зеркала, его метаморфозы и его конечное

разрушение и распыление—создают великолепные с театральной точки зрения эффекты, требующие, правда, исключительного мастерства актерского исполнения. Эта роль ставит актеру невероятно трудные задания, требуя ловкости акробата и трансформатора, наряду с проникновением в „магическую“ сущность самого образа. Для актера старой школы эта роль, конечно, совершенно неприемлема, но для того „будущего“ мастера сцены, появление которого столь восторженно готовится у нас в России театральными новаторами—воплощение роли *Spiegelmensch*'а может явиться пробным камнем новой актерской техники. Не безынтересно отметить, что Франц Верфель широко использовал приемы итальянской комедии *dell'arte* и, в частности, некоторые приемы Гоцци (рассматривание актером зрителей в бинокль, сц. 3-я III части) для целого ряда выступлений *Spiegelmensch*'а и тем самым показал весьма удачный метод включения старинных навыков итальянских комиков в философскую драму современности. Элементы чистой театральности перестают вести бессодержательное существование, напротив, они становятся носителями философского смысла и его сценической формой. С этой точки зрения все детали театрального элемента драмы Верфеля представляют крайне интересный опыт слияния „чистого театра“ с театром идейным.

Общая структура драмы, с подразделением 2-й и 3-й части на ряд разнообразных картин, дает полный простор выявлению лирического элемента, столь близкого Верфелю-лирику. Здесь нет лаконичного драматизма, как у Георга Кайзера, напротив, лирический под'ем стихотворной драмы проявляется с полной свободой, местами достигая барочной перегруженности испанских драматургов. В этой пространности чисто лирических мест, как и вообще в некоторой волнистости широко развернутых линий, кроется

самое уязвимое место, в целом прекрасно выполненного, произведения. Чувствуется, что Верфель лирик по преимуществу. Истинный драматург выковал бы из того же материала гораздо более сжатую, компактную форму.

Для русского читателя трилогия Верфеля представляет особый интерес. Он найдет здесь, помимо ознакомления с новым по духу и по форме творением западного писателя также и следы влияния русской литературы. До сих пор обычно Россия черпала из сокровищницы западной литературы, подчиняясь и заимствуя многие, чисто западные, художественные формы.

Теперь же и Запад стал испытывать на себе влияние русского духа (Отметим чисто толстовскую идею, лежащую в основе драмы „Газ“ Г. Кайзера). И трилогия Верфеля написана в плане тех влияний, которые исходят от Толстого и Достоевского. Просветление героя немецкой драмы, его самобичевание, приступы раскаяния и порыв к нравственному очищению—все это дальнейшее развитие „воскресения“ Толстого и людей „не от мира сего“ (Идиота и Алеши) у Достоевского. Немецкая критика единодушно считает, что пламенное увлечение аскетическими идеалами, жаждой спасти мир путем уклона в потусторонность, наблюдаемое среди новейших немецких писателей—питается и вдохновляется русским влиянием. Молодая Германия загорелась страстным руссофильством, представители старших поколений настроены более осторожно и скептически. Насколько прочно укоренился русское влияние, пока что, сказать трудно, так как слишком еще неясен, в силу чисто внешних препятствий осведомления, облик немецкой новейшей литературы. Но, так или иначе, русский читатель находит много родственного и близкого в последних литературных творениях молодой Германии.

А. Гаоздев

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЗЕРКАЛО

DER SPIEGEL

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Настоятель.

Монах.

Тамал.

Человек из зеркала.

Образы пилигримов.

Место действия: монастырь в гористой
местности.

МОНАСТЫРЬ В ГОРИСТОЙ МЕСТНОСТИ

Сцена представляет помещение из голых неотделанных каменных глыб. Задняя стена почти сплошь занята двумя громадными оконными отверстиями. В них видно, как горная цепь, постепенно повышаясь, заканчивается снежными вершинами. По всему пространству разбросаны нагроможденные в кучи камни; там и тут башенки в виде пагод, изредка тощее дерево. Поздние сумерки. Справа в келье ложе, посредине низкий стол, слева большой четырехугольный предмет, плотно завешенный.

Входят Настоятель монастыря и Тамал.

У Настоятеля гладко выбритая голова с длинным чубом на макушке, серая ряса; вокруг бедер, вместо веревки, широкий, разукрашенный золотом, пояс.

Тамал в богатом наряде.

Настоятель.

Останься с нами, гостем здесь живи!
Исполним мы желания твои,
Тебя в высокой мудрости наставим
И в таинствах, и сил тебе прибавим.
Но ты в своих исканьях слишком смел—
Ты не готов еще, ты не созрел...

Тамал.

Я кинул город, где одни
Других терзают, холодны и тупы,

Где празднo суетятся люди-трупы,
Где блеклые, томительные дни
Сменяют муть угарную ночей,—
Где каждый втайне враг своих страстей
И где,дохнуть не смея силой груди,
Унылые, безжизненные люди
К своей могиле тягостно влачатся.
И некий дух на вас мне указал,
На вашу святость—я ее познал.
(Страстно).

Не отвергай меня! Дай мне подняться!

Настоятель.

Ты в праве ли бежать к подножью Бога,
Когда твоя не пройдена дорога?
Ты искус малодушно отвергаешь
И к свету тянешься, которого не знаешь!

Тамал.

В чем право, говоришь ты, на спасенье?
В бессилии оно, в недовершеньи.
В моем лице начертано приметно
Проклятие—стремиться к Богу тщетно,
Владеть в душе сознанием добра
И чувствовать бессилье сбросить скверну.
И я решил, что навсегда отвергну
Путь лжи и заблуждения. Пора!
Не отвергай, отец, молебь смиренной,
Дай место мне в обители священной!
Я подавлю все низменные страсти,
Я сокрушу оковы плотской власти,
Единогo я возалкал блаженства,
Отец мой: чистоты и совершенства!

Настоятель.

Ты прав: к совершенству зовет Господь,
Но он создал паденье и создал плоть,
Чтоб в плоть нам облечься и чтоб жить в ослеп-
леньи
И доколе мы слепы, верить, что в этом людей
назначенье!

Ибо мера только так познается,
И из мудрых мудрейший нам открыл:
Бог от ангелов отвернется
И возлюбит того, кто согрешил.
Жизни нет в чистоте, движенья,
Ей недоступен небесный свод.
Только гонимый, сквозь униженья,
В царство его войдет.

Тамал.

Я не из Богом избранных людей—
Плоть слабую хочу я заточить.

Настоятель.

Ты пса задумал на цепь посадить,
От этого он станет только злей.

Тамал.

Одно лишь средство есть со злом расстаться—
Себя убить, чтоб скверне не поддаться.

Настоятель.

Таким путем она лишь возрастет,
И в смерти ты не обретишь исход.

Тамал.

Отец, поведай, в чем же путь спасенья?

Настоятель.

Изжить, а не бежать от искушенья!

Тамал.

Ты жить велишь мне, ты, отец,
Которого не видел я доселе
Вкушающим, кто проводил недели
В молчаньи, неподвижный, как мертвец!

Настоятель.

И тот, Благой, что к миру приобщился
И в высь взлетел, в последнем воплощеньи,
Он, перед тем, как сам преобразился,
Перед дворцом увидел труп — и тленье.

Тамал.

Я видел трупа этого черты!

Настоятель.

Безумец! Что ж, преобразился ты?
Ты свеж, уста в любое время
На поцелуй любви готовы, как на речь,
И вот, едва испытанное бремя
Уже готов ты сбросить с плеч?
Увы! Свой путь земной свершая,
Мы прокляты, не смеем обмануть;
Над нами воля бодрствует иная
И не дает с дороги нам свернуть.
Бежать ты хочешь, ужасом гоним,
Но бегство станет бедствием твоим!

Тамал.

Отец, как хочешь гневайся, сердись —
Не отступлюсь!

Настоятель.

Забудь и отступись!

Тамал.

Мои все связи с миром порвались!

Настоятель.

Ты молод?

Тамал.

Мне едва минуло тридцать.

Настоятель.

Обдумай!

Тамал.

Ты препоны ставить вправе
Тому, кто к вам, в ваш монастырь стремится?

Настоятель.

Лишь предварять; препоны ставить? Нет!
Кто хочет света, пусть увидит свет;
Таков устав наш.

Тамал.

Чти свои уставы!

Настоятель.

Так выслушай еще раз! Роковой,
Непостижимой тайне отдан тот,
Кого моя рука, мой поцелуй святой
В наш монастырь как инока введет.
Сын, если ты еще на том пути,
Где истина и слово, вид и суть
Не слиты воедино, то уйди
Еще не поздно.

Тамал.

Не боюсь я, верь.

Настоятель.

Так подожди до завтра.

Тамал.

Нет, теперь!

Настоятель.

Еще раз, сын!

Тамал.

Сверши святой обряд!

Настоятель

(долгое время колеблется, глядя в лицо Тамалу).

Тамал

(молчит, недвижим).

Настоятель

(торжественно, произнося слово заклинания, возлагает руку на лоб Тамала, дышит ему в лицо и целует).

Ты посвящен — рукой и дуновеньем, брат.

Тамал.

Ты спас меня от мира в этот миг!

Настоятель.

Нет, примешь ты сперва святой постриг.

Но этим лобызаньем ты подпал

Той тайне, что собою ты являл.

(Удаляется).

(Едва настоятель скрылся, как в дверях появляется монах и некоторое время стоит неподвижно и значительно. В одной его руке кувшин, в другой небольшой светильник, через руку свешивается ряса. Он ставит кувшин и светильник на пол, а рясу расстилает на ложе).

Тамал.

Что ты, отец?

Монах.

Останусь я с тобою

Всю эту ночь, чтоб быть тебе слугою.

Тамал

(в сторону).

Ужасно! Как у мертвого черты.

(Громко).

Что это? Ложе мне готовишь ты?

Монах

(оправляя простыню).

Завтра ты будешь без слуг.

Тамал.

Кувшин?

Монах.

Два — три глотка

Гостю шлет Настоятель. Пока

Ты еще молод.

Тамал.

А завтра что же?

Монах.

Будешь не старше и не моложе.

Ни утоленья, ни жажды.

Тамал.

А это что

На ложе ты расстилаешь?

Монах.

То,

Что легко и свободно носит каждый.
Пеньковая ряса, твой новый наряд.
А тот, что ты носишь, завтра спалят.

Тамал.

С ним вместе и прошлое сгинет в огне,
И свободно дышаться будет мне —
Тому, кто уж с детства подпал страданью.
Скажи! У вас строже одежда есть?

Монах.

Избранникам высшим, которых сознание
Уничтожило время, досталась честь
Облечься в рясу из жесткой травы.

Тамал.

И мне в этой чести откажете вы?

Монах

(молча измеряет его взглядом).

Тамал.

Ваш старший не носит одежды такой?

Монах.

Кто?

Тамал.

Ваш настоятель.

Монах.

Он — ниже нас чином.

Тамал.

Но всетаки пояс на нем золотой.

Монах.

Лишь полу-слуга может быть господином.

Тамал.

Он носит пояс — и ниже вас?

Монах.

Он в новом рожденьи моложе нас.
Он едва прошел сквозь искуса пламя,
Ему высшая сухость и цельность чужды,
Он, хранящий еще распада следы,
Избран теперь и поставлен над нами.
Только низшим забота править дана.
Он грезит еще, кричит со сна —
Он должен облечься в пояс власти.
Но монахи, они, подавившие страсти,
Они живут в нищете святой,
Борясь молчаньем, улыбкой пустой.

Тамал.

На один вопрос еще дай ответ:
Почему никакой здесь святыни нет?
Лишь кое-где, меж камней, под скалами,
Башни с обломанными зубцами
И пустых, заброшенных храмов ряд.
Где алтарь? Здесь не служат и не звонят.
Не видно статуи в углу, в тени,
Не вспыхивают кругом ее огни,
И жертвенные венки не вянут
Пред Богом.

Монах.

Боги в вечность канут,
Каждый в свой срок. Это знают братья.
В долине, в храмах, звучат заклатья,
И люди, с руками подъятыми к чуду,
Взывают, дрожа, к божеству своему.
Но кто выше людей, почует в дыму,
Что запах тленья идет отовсюду.

(Ночь за окном светлеет, и сияние, как бы от звезд, падает на завешенный прямоугольный предмет в келье, освещая его фосфорическим светом).

Тамал

(ходит взад и вперед и сразу останавливается).

Скажи, что здесь завешено от света?

Монах.

Сейчас тебе я не могу открыть.
Но ночь пройдет, и ты узнаешь это!

Тамал

(с беспокойством).

Мне предстоит опасность пережить?

Монах.

Опасность, да! А потому внимли!
(Пристально смотрит на него).

По мере сил своих, проснется
Для трех прозрений каждый сын земли.
И всем нам первое дается.
Оно не знает испытанья
И не влечет вслед за собой избранья.
Ибо тот, кто из сумерек возник,

Из туманов утренних небытия,
Повивших младенческий лик,
Кто вышел и молвил: Это Я,
Для прозренья первого тот пробужден,
В мир вступает и мира не видит он.
Все кругом изменилось волшебю,
Каждая вещь втайне враждебна,
И небо над ним и под ним земля
Ему являют во всем его Я!
Он всходит в гору, бредет долиной—
Лист уже не лист, стал его личиной.
Человек и зверь, в шерсти, в опереньи—
Это только Я и его отраженья.
И это Я расплылось, разлилось.
В питье и в пищу ему обратилось.
Но часто, кто утром встает и поет,
Обжираясь, встречает солнца заход.
Тупо волю дав укоризне,
Ищет он смысла этой жизни,
И не видит ни жизни, ни смысла в ней—
Только ряд голодных и сытых дней.
И, достигнув конца пути земного,
Не в силах подняться, начинает снова.
(Пауза).

Но тот, кто силу обретет
Прозрения второго, подпадет
Заклятью чар иных,
Что по ночам и в сумерках седых
Ему приводят смертного врага,
До гроба двойника.
Отныне в разладе он
И должен в грязи, обливаясь кровью, бороться,
Чтоб спутник был поражен,
Его от греха сквозь грех к убийству влачащий.

И тогда лишь награда дается.
Все вперед влачась, сквозь топи и чащи,
Сам себе смерть—искупление находит он.
Ибо требует так закон!
Святой говорит: Кто Бога узрел, умрет!
Но и узревший себя—достоянье могилы!
Прежде чем враг падет,
Он отдаст свои последние силы.
И тогда, прозреньем вторым озарен,
Землю познает он!
Проснется, восторгом дивным об'ят,
Ему одному дарованным свыше,
Минул отныне разлад,
Мирно он дышит,
Сам до конца с собою слился,
От себялюбья его мир отрешился.
Все, что дышит, полно красоты,
К нему взывает благостно: Ты,
Отовсюду, со всех сторон;
И смотрит — и любит он.
(Другим голосом).

Но кто для третьей избран ступени,
Овеян тайной при самом рожденьи.
Тот, первый, в личинах своих искажен;
Второй враждует с собой, разделен,
Но третьему нужды нет в спасеньи,
Он сам другим несет избавленье.
Все земное — тяжкий сон Божества:
Человек и зверь, и звезда и трава.
Но кого коснется Учителя взор,
Тот всю сущность свою обретет с тех пор.
И сильным и слабым он поможет,
И косный сон Божества потревожит;
Спаситель Мира — название его,

Но чаще спасает он Божество.
(Медлительно).

Вот, ты слышал. Храни в душе своей след!

Тамал.

Для второго прозренья родился я.

Монах.

Гость! Откуда уверенность твоя?
Иль ты испытал уже?

Тамал.

Я? Еще нет!

Но здесь, среди вас, я дождусь возвышенья.

Монах

(холодно).

Ты посвящен, впереди свершенье!

Тамал.

Еще раз! Что значит завеса эта?

Монах.

В моих словах ты ищи ответа.

Тамал.

Ясней, монах!

Монах.

Твой сон храня,
Я останусь на ступенях портала.
Если нужно, ты позови меня,
Я приду! Но ты — позови сначала!
(Уходит).

Тамал.

Исчезла тень! И звуков нет.
Лишь мотылек прилетел на свет.
Что сделал я? Не впал в заблужденье?
Сам себя изменить я не в силах был.
Посвящен и жду преображенья...
Прочь же: танцы, игры, любовный пыл!
*(Обрасывает с себя доспехи и украшения и кладет на стол
два длинноствольных пистолета).*

Оружье это шейх прислал мне; пусть
Оно сгорит и в уголь обратится,
Как эти вот заветные вещицы!
(Бросает письма и вещи).

Так! Письма, жизни лучшая страница!
Я бросил вас — и где же грусть?
(Садится на цыновку).

Да. Но если меня прельстила ложь
Иль прихоть? Не торопясь
Решай: ты любишь, чего-нибудь ждешь?

Отец? Это слабая связь.
Уже ребенком я с ним порвал,
Хоть дикую боль пришлось пережить;
Этот сон давно миновал.
О чем грустить!
Что прошло, то прошло навсегда.

Женщина? Как я дрожал перед нею тогда!
Ее взор повергал на колени меня,
Смех был жарче огня.
Об руку шли мы с ней
Среди весенних полей,
Вечером в лодке плыли блаженно среди замираю-
щих струй...

Но однажды проснулся я, было тускло еще на
востоке,

В окна дождь колотил, с крыш стекали потоки,
И я, получив от нее, наконец, поцелуй,
Уловил дыханье ее — и оно меня не прельстило,
И мне стало противно все, что она говорила.
Что ж? Снова вернуться?
Вникать в ее лживые речи, ухватки,
Со дна д бывать себе плесень, остатки?
Нет! Ее письма порвутся!

Друзья? Как я трепетал перед ними,
Чтоб в их глазах достойным казаться!
Они-то умели со мной обращаться —
То добрыми были, то снова злыми.
Всего больше я нравился им, как шут —
К беспечно-бесстыдному все ведь льнут.
Хвалили они мои песни и оды,
Но, тяжелые от природы,
Вдаль отошли, не спеша живут,
А я — я забыл даже, как их зовут.

И это все, чем я жил когда-то
И к чему опасаться должен возврата?
Чем я могу еще вдохновиться,
Чего бы мог я еще лишиться,
Чтоб потом тосковать и не знать покою?
Лишь себя самого! Ненавижу себя всей душою!
(Берет светильник и подходит к заветному предмету).
Эта странная дрожь в ногах!
Чуть не выронил я огня!
Что внушает мне страх
И влечет и гонит меня?
(Отступает слегка).

Сорвать мне эту завесу? Решиться

На себя возмездье навлечь?
Иль трусом жалким явиться?
Всего разумней было бы — лечь!
Настоятель подумал, быть может,
Что с своим любопытством не справлюсь я,
Что меня смутит и встревожит
Многоочитых духов семья.

(Ложится на циновку, но сейчас же вскакивает).

Не заснуть никак. Повернусь к стене —
Чувствую, что-то жжет спину мне.
Магический луч скользит вдоль тела.
Мною цепкая сила завладела
И влечет к себе.
За завесой, может быть, бог,
Образ прежней святыни,
Проклятой, тлеющей ныне
В смертном упадке?
Солнечный сок
Кипит, проникает в широкие складки,
И тени пугливо
Скользят в их извивах.

(Схватывает опять светильник).

Я решился! Я робость превозмог!
Сам себя отшвырнул давно я.
Чего бояться?

(Подходит ближе).

Полог, так!
Что ж, смерть самый кроткий враг!
Пусть порвется покрывало святое!
(Раздирает покров. Обнаруживается большое зеркало, испускающее снопы яркого света).

Только! Худшего ждал я зла!
Зеркало из сидонского стекла!
(Рассматривает его).

Отбиты, я вижу, края.
Киноварь — и поверх ничего.
Заклинаний не знаю я,
И не удастся мне волшебство.
(Отшатывается).

Кто это? Дьявол! Как сердце забилося
Чувствую, кровь даже остановилась.
А в зеркале только мое отражение.
Вот этот мой облик — какое мученье!
Придвинул светильник и вновь наблюдаю
И вновь омерзение ощущаю.
Так был я создан, так я родился,
Искал красоты, красотой обольстился.
(Строит яростные гримасы перед зеркалом).

Да, лоб мой и череп вещают сурово:
У этого с делом расходится слово!
В глазах моих блеск, и холодный, и ясный,
Но пухлые губы чувственно-страстны.
Еще более ноздри мне ненавистны,
А зубы — наследье праотцев хищных!
Я в зеркале долго не видел себя
И забыл, до чего отвратителен я.

Теперь свой жребий я благословляю!
Опасность я, наконец, постиг.
Найду себя, любовь познаю,
Все разрешится в этот миг.
Отныне места нет боязни,
Я понял, что зеркало в себе таит.
Преступник предо мною стоит
И будет предан казни.
Я меры крайние приму,
Мечом разрублю я узел твердый.
(Схватывает пистолет).

Конец владычеству твоему!
Час твой пробил!
К мертвым!

Стреляет в свое отражение. Зеркало разбивается со звоном, осколки падают на пол. Из зеркала выскакивает Человек, обликом подобный Тамалу, но отнюдь не то же, что он сам. Прежде всего, хотя он одет наподобие Тамала, в одежде больше чего-то шарлатански-кричащего. Сразу же начинает с бешеной скоростью бегать и танцевать среди кельи. Вскатывается на стол, просовывается в оконные отверстия, карабкается ловко, как во сне, по стенам и останавливается, наконец, перед Тамалом. Последний стоит на коленях, скорчившись и прижав руки к груди.

Человек из зеркала.

К мертвым? Нет! Ты меня освободил!
(Снова охваченный порывом, бешено кружится по комнате).

Свободен! Свободен!
Пространство! Простор!
Плоть! Плоть!
Руки! Пальцы! Ноги!
Прыгать! Прыгать!
Во сне — во вне!

(Подпрыгивает, как танцовщик, как человек во сне, пируэттами кверху, почти до потолка).

Свободен! Свободен!
Радость — плоть!
Правда — плоть!
Я! Я! Я!

(Становится на колени, вплотную перед Тамалом).

Ты мой Спаситель!
Ты, Величайший!
Освободитель!
Божество мое, ты!
(Гладит Тамала, сперва как бы в порыве подлинного чув-

ства; постепенно становится спокойнее и движения его приобретают скользкую приторность, свойственную старикам, расточающим ласки).

Тамал
(на коленях).

Что со мной было тут?
В бешеной пляске планеты!
Мириады солнц встают
И кружатся. Яркие светы
Возникают, текут.
Или в мир другой я вступил?
Жизнь прошла и смерть началась?
Искры пляшут в глазах, смеясь!
Это обморок был?

(Как бы пробудившись).

Ах, я ранен! Ах, ах, я ранен!

Человек из зеркала
(деловито).

Ранен! Где, куда, любезный друг?
(Растегивает его платье).

Тамал.

Кровь!

Ранен.

Человек из зеркала.

Ранен? Нисколько. Ты теперь здоров.
(Прикладывает ухо к его груди).

Ни пореза, ни крови! И сердце — стук-стук!

Тамал
(вскочив).

Кто это?

Человек из зеркала
(*staccato*).

Я! Только я! Только я пока!

Тамал.

Ты! Где я? Кажется, прошли века.

Человек из зеркала.

Мой спаситель! С тобой — одно мы, ведь так!

Тамал.

Послушай! Кто ты?

(*Бросается на него*).

Ты! Ты — мой враг!

Человек из зеркала
(*отступая*).

Твой враг? Я? Твой враг? Я, я, твой враг?

Найди мне ангела в тверди небесной,

Который тебя любил бы так!

А они вот союз заключили тесный

Все против тебя!

И только я

Верен тебе и тебя от них охраняю,

Все их движенья подстерегаю.

Я твой пес, твой конь, я посох твой!

Умрешь ты — и я в могилу с тобой!

Любовь до гроба и навсегда!

Тамал.

О! Что я слышу! Ты мой...

Человек из зеркала.

Тс! Тише: — Да.

Я — свое я! Сам себе граница.

Я не ты, не он, не она, не оно,

И ты видишь, я вправе собой гордиться:

Мое брненное тело — гладко, полно.

(*Ласкает сам себя*).

Какой восторг — вернуться вновь из тени

В пределы трех любимых измерений!

(*Бросается на землю*).

Только тебе я свободой обязан,

Доныне я мучился, скован и связан.

Так не был и дух замурован в бутылке,

В огне еретик так не мучился пылкий,

Так не был герой распинаем и грешник.

Ты спас меня, добрый мой, милый мой, нежный!

Так узник не дышит, бежав из темницы,

Как я порываюсь пространством упиться.

(*Снова начинает танцевать*).

Тамал.

Раз ты — ты сам, ты разве вправе

Обезьянничать! Ты одет, как я.

Человек из зеркала.

Дорогой мой, я разве для забавы?

Ведь сотрется же личность твоя,

Если теноры, дамы, глупцы, ротозей

На тебя годами бесстыдно глазают.

В конце концов, привыкнешь тоже

И станешь на грязную воду похожим;

Лицо расплывется сладким тестом,

Геометрическим общим местом.

А впрочем, взгляни-ка, будь так мил!

(*Быстро поворачивается вокруг собственной оси*).

Оригинальны фасад и тыл!

Тамал.

Чего хочешь ты, шарлатан, от меня?

Человек из зеркала.

Лишь того, мой бог, что тебе желанно.
И открою это один лишь я,
Будь я трижды в глазах твоих шарлатаном.

Тамал.

Чего ж я хочу?

Человек из зеркала.

Ты не знаешь сам,
Ты, бредущий сквозь сон, как и всякий встречный.
Я свет, что блеснет твоим очам,
Я храню печать твоей правды вечной!

Тамал.

Моя правда в том, что я бежал,
Несовершенством своим гонимый.

Человек из зеркала.

О лжец, ни с кем несравнимый!
Снова жалко солгал!

Тамал.

Солгал?!

Человек из зеркала.

Даже зеркало погнулось в раме,
Возмутилось твоими речами.

Тамал.

Как? Что?

Человек из зеркала.

Да, да, этот твой надрыв:
„Мои зубы, мой лоб, омерзенье какое!“
Счастливiec! Во-первых, ты красив!
И сам, во-вторых, доволен собою.

Тамал.

Ты прав.

Человек из зеркала.

Потом, ты делаешь вид,
Что женщин больше и знать не хочешь.
А если, меж тем, на отказ наскочишь,
В тебе сразу животное заговорит,
О котором здесь...

Тамал.

Говори! Что дальше?

Человек из зеркала.

А друзья твои? О аскет! К их фальши
Ты равнодушен, не так ли, ныне?
Ты не мечтаешь, в часы унынья,
Всех их повергнуть к своим стопам?

Тамал.

Чего ты хочешь?

Человек из зеркала.

Верь в себя сам!

Тамал.

Я бегу от слабости и безличья.

Человек из зеркала.

Бежишь от собственного величья
И видишь в нем свой порок.

Тамал.

Я не велик.

Человек из зеркала.

Ты скромн — залог
Избранья в этом.

Тамал.

О, будь я велик!

Человек из зеркала

(клерикально-затверженным тоном, в нос).

Нет, не грусти!
Ты избран, чтобы мир спасти.
Взошла над тобой
В час рожденья Аристотеля звезда,
Та, что в мир Анандоса привела,
Коей вверен был Конфуция сын Всеблагой.
Ею также был осиян
Непобедимый монгольский хан.
Она — для тех, чей отмечен лоб.
Вот, господин, твой гороскоп.

.....
Молчишь ты? Верь сплетенью звездных числ!
Твоей природы скрытый смысл
Себя не так давно явил
Чрез символ и печать.
Какие? Сам ты можешь отгадать...

Тамал.

(?)

Человек из зеркала.

Ты убить меня думал — и освободил!

Тамал.

Ужель — я мог?

Человек из зеркала.

Один лишь ты! Ты бог!
В тебе, тобой незрим,
Неведом, дух живет
Пока сокрытый — тот,
Что, вопреки наукам всем земным,
Пространства узы рвет.
Да! Чувствуют все птицы, все цветы
Издалека благое излученье.
И все, что живо, ждет, полно влеченья,
Чтобы его коснулся ты.
Лишь ты о белой магии своей
Не знаешь; всех волшебств она сильней.

Тамал.

Ты прав. Теперь я вспоминаю сам,
Что часто по ночам
Я чувствовал, склоняясь над работой.
Покалыванье в коже рук и ног,
Как будто излучался тихий ток
Через меня. Кругом трещало что-то,
Предметы словно двигались в тенях,
И я тогда впадал в невольный страх.

Человек из зеркала.

Познал свои дары ты!
Друзьям достался жребий немоты,
Один лишь ты —

Открытый
Врата широкие, что в мир
Отверзты, во все страны света,
И льют живительный эфир!
Ты — сила, божество, кумир.
Я сам познал, что правда это.
И здесь себя ты хочешь спрятать?

Тамал.

Когда б уста твои мне запечатать!

Человек из зеркала.

Кто дал право тебе
От мира, от тех укрыться,
Кто жаждой томится
И ждет, в непосильной борьбе?
Ты будешь увенчан венцом!
Мне ведомо это, верь:
Ты был когда-то лицом,
Орудием стал теперь.

Тамал.

Орудием! Я это сознавал
Не раз, в минуты вдохновенья.

Человек из зеркала.

Ты сердцем понял провиденье,
И только ум твой лжив и мал.
Знай, слова, что праздно болтают
Мудрецы, в их надменном величьи,
Слабее, чем стаи птичьи —
И до крыши они не взлетают.
Но когда твое слово расправит крылья
Взлетит оно в высь легко, без усилия.
Ты похож на пророков великих —

На Моисея, чьих воплей диких
Даже Иегова бежал в смущеньи.
Чувствуешь ты, среди речи крылатой,
Вокруг висков своих дуновение?
Другие подавлены, страхом объяты...
Ты знаешь этому объяснение?

Тамал.

О, эта власть была моей мечтой!

Человек из зеркала.

Ты заменил ее пустой
И лживой целью!

Тамал.

Не томи!

Человек из зеркала.

Мы раз лишь здесь! Пойми
Смысл пути своего!
И — правда! правда прежде всего!
(Строго).

Закрой глаза скорей!
Где призрачное „Ты“ вещей,
Которые в плену своих вериг
Твой дух держали?
Один лишь миг —
Они туманной, сонной грезой стали,
Вернулись в лоно свое!
(Продельывает за спиной Тамала какие-то фокусы).

Ты один лишь правду явил,
Средоточие мира ты,
Из которого все течет,
Вкруг которого все живет;

Ты источник жизни и сил!
Ты — Величайший, Освободитель!
Ты, мой Спаситель,
Спасенье миру несешь.

Тамал
(как во сне).

Я?!

Человек из зеркала
(в экстазе).

О сладкий звук! Только ты спасешь!
(Со страстной жаждой).
Скажи еще раз!

Тамал
(с одушевлением).

Я!

Человек из зеркала.

Звук какой!

Это ангел вещает твой,
Водит крыльями по струне!

Тамал.
Если бы удалось только мне!

Человек из зеркала.
Свершишь ты труд священный.

Тамал.
Мой труд! Мой труд!

Человек из зеркала.
И нетленной
Будет слава твоя!

Тамал.

О! слава и труд!
Два высшие в жизни слова!

Человек из зеркала.

Пусть бледнеет твой враг суровый...

Тамал
(судорожно смеется).

Человек из зеркала.

Свет огня твоего
Пребудет в мире, в веках,
И как Богу отраден Божий страх,
Так тебе — твое торжество.
(Тихо).

Ему ты подобен —
Чудо свершить способен.

Тамал.
Чудо свершить способен?

Человек из зеркала.
Посмотри в окно.

За окном явление: толпа людей, бедных, оборванных мужчин, женщин и детей, пробирается по камням и скалам к оконному отверстию. Поступь их тяжела — сказывается усталость от хождения по горам. У каждого в одной руке длинный горный посох, в другой — фонарь. Они постоянно поднимают фонари к небу, словно ищут там чего-то. Два-три особенно жалких человека подходят к самому окну и засматривают в келью: но они ничего не видят и производят впечатление слепых. То тот, то другой протирает время от времени руки вперед. В общем это те самые лица, которые во второй части представляют толпу.

Тамал.

Кто они? Что им нужно?

Человек из зеркала.

Нужен новый бог.

Тамал.

Они ищут его с фонарями?

Человек из зеркала.

Они ищут его с фонарями
В созвездьях, под небесами,
И пока они ищут, слепые,
Уже родился давно Мессия.

Тамал.

Где?

Человек из зеркала.

Близко!

Тамал.

Где?

Человек из зеркала
(указывая на него).

Вот он!

В тебе этот бог воплощен.

Тамал.

Как жалки они, как оборваны, нищи,
Без отдыха, видно, давно, без пищи!
Какой от них запах тяжелый идет —
Обедки, и грязь от одежды, и пот.
Ах, если б помочь им...

Человек из зеркала.

Ты их вознесешь.

Тамал.

К жизни вернуть...

Человек из зеркала.

К красоте их вернешь.

Тамал.

Правда? Я могу помочь несчастным?

Человек из зеркала.

Только ты один — жизнь тебе подвластна.
(Видение исчезает).

Из страны, где пороки и ложь,
Бесконечная скорбь и насилие сильных,
Из лачуг убогих и пыльных
Ты на вечный праздник их поведешь,
Праздник радостный и мировой!

Тамал.

Праздник! Давнишняя греза моя.

Человек из зеркала.

К этой же цели стремлюсь и я.
Хоть я возник из плоскости жалкой —
И во мне надежда пылает ярко,
Что на грани веков нам радость дана.
Из тьмы запустенья,
Где мерзость и гадость,
Я чувствую — вот встает она.
Знаменем жизни было: Томленье!
Ты превратил его в Радость!

Тамал.

Да, Радость! Радость!
Ее зажгу я!
Да, Радость, Радость!
Царство ее обрету я!
На вечный праздник мир позову.
Я чувствую, как в пальцах мощь струится,
Мощь — излучать, сверкать, искриться.
Волна, что от меня родится —
Блаженство, сила, радость на яву.
Я! Я — я!

Человек из зеркала
(в увлечении).

Как хорошо! Ты — жив! И я — живу!
(Обнимает его).

Пойдем вместе! Туда, где светлее!

Тамал.

Ты своей верой, словно елеем,
Меня живишь!

Человек из зеркала.

До скончанья веков!

Тамал.

Труды и слава, вновь и вновь!

Человек из зеркала.

Все, все, о, мой бог!

Тамал

(с радостным сознанием собственной силы).

С тобой пойду я!

Человек из зеркала

(бросаясь в сладостном исступлении на-земь).

Пойдешь?

Я твой червь!

Твой конь!

Тебя повезу я!

Тамал

(берет его за руку).

Идем!

(Колеблется).

Ты — ведешь или я — за тобою вслед?

Человек из зеркала.

Между мной и тобой расстоянья нет.
(Останавливаются у окна).

Тамал.

Сплю я сейчас? Или сном было — то?

Человек из зеркала.

Этого теперь не решит никто.

Тамал

(в смущении).

Монах — он здесь — позову, придет
И поможет...

Человек из зеркала.

Мужайся! Смело, вперед!

Идем! Идем! Мимо них, бесшумно...

Тамал

(внезапно вскрикивает).

Я ранен! На пом...

Человек из зеркала
(прикрывая ему рот).

...Замолчи, безумный!

Тамал.

Кровь!

Человек из зеркала.

Воображение! Ты здоров.
Вот вино на столе, скорей!
Пей!

(Подает ему кувшин).

Тамал

(осушает кувшин и швыряет его в сторону).

О! Легче теперь мне стало!
Ни крови, ни ран — как не бывало!
Свет потуши!

(Человек из зеркала задувает светильник).

Идем!

Оба исчезают в окне.

Некоторое время сцена пуста. Сумерки. Входят Настоятель и Монах. Монах опоясывается крепкой веревкой и надевает головной убор пилигрима.

Настоятель.

Не одолел он. Свой долг сверши!

Монах

(показывает в публику бич и тоже скрывается в окно).

Конец первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОДНО ЗА ДРУГОЕ

В ВОСЬМИ КАРТИНАХ С ИНТЕРМЕДИЕЙ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Тамал.
Его отец.
Джалифар.
Амфэ.
Канцлер.
Владелец дворца
Фокусник
Анантас, змеинный бог } личины монаха.
Ядо, слуга отца.
Верховный жрец Аймара.
Первый поклонник.
Второй поклонник.
Третий поклонник.
Физилли, танцовщица.
Начальник тайной полиции.
Человек из зеркала.

Жрецы Аймара, народ, несколько дряхлых факиров, гости на свадьбе, духи, звериные хари, полицейские солдаты.

Место действия: условный Восток.

I

ОТЧИЙ ДОМ

Высокая горница. Вдоль трех стен идут в два этажа галереи. В глубине сцены широкая раскрытая дверь. За дверью помещение с большой кроватью, над которой свешивается цветной фонарь. На переднем плане справа и слева два больших ларя. Где-то, невидные в тени, громко постукивают маятником стоячие стенные часы. Сумерки, почти темно, только от фонаря над кроватью слабый свет.

Входят Тамал и Человек из зеркала.

Тамал.

Все тот же дом и та же мгла.
Моя здесь юность протекла.

Человек из зеркала.

Да, помню я: дрожат твои колени,
Ты ждешь. Отец поднялся на ступени...

Тамал.

И, все же, вновь я посетил
Свой дом. Мне этот сумрак дорог, мил.

Человек из зеркала

(прохаживается, как бы в поисках чего-то; почти posto).
Ты здесь стоял, тоской объятый,
По вечерам, покорствуя судьбе.
Абсциссой и координатой

Параболы он докучал тебе.
Бормочешь что-то ты невнятно —
Мозг не работает, забит;
Он на тебя презрительно глядит
И отправляет в комнату обратно.

Тамал.

Да, да, он был родитель образцовый:
Проклятье! Как не помнить мне!
Парабола гнетет меня во сне,
Я вижу взгляд рассеянно-суровый.
И вот, когда здесь в сумерках стою я
И детский призрак прячется в углах,
Я чувствую все тот же дикий страх
И весь дрожу, его величье чуя.
Он богом был — быть может, и сейчас...

Человек из зеркала.

Да, Бог! Все тот же Бог! Но сколько раз
Стоял ты там вот, у крыльца,
И в мыслях убивал отца?
Он „крупный человек“, ты „сын“; и будь спокоен:
Пусть даже ты вселенную сожжешь
Талантом (ты избранья удостоен),
Но в нем признанья не найдешь.

Тамал.

Его мой труд ценить меня научит.

Человек из зеркала.

Ты для него из тех, кого он жучит.

Тамал.

Здесь славно пахнет пылью и вином.

Человек из зеркала.

Я нахожу, что пахнет здесь похуже —
Не пылью, не вином — отцовской стужей.

Тамал.

Ты слышишь треск? Тюрьма мне этот дом.

Человек из зеркала
(за спиною Тамала, вплотную).

В ларе жучок-точильщик доску точит.
Да, этот ларь обоим нам знаком.
Тебе семнадцать было. Босиком
К нему ты крался поздно ночью,
Как хищный вор, с отмычкой и ключом,
Чтоб ларь взломать и овладеть скорее
Сокровищем отца-злодея.

Ведь где-то, в роскошном чертоге,
Друзья твои пьяные пели,
На воздух деньги летели,
И женщины были нестроги —
Обнажали кокетливо ноги.

(Возится около ларя).

Проклятый замок! И ключи — хоть брось!
Отец окликнул. Сорвалось.

Тамал.

Лишь вспомню, так краснею до сегодня.

Человек из зеркала.

Замок с тех пор отнюдь не стал свободней.
(Прислушивается).

Кто-то подходит к двери!

(Беспокойно).

Еще я в себе не уверен,
Не гожусь, так сказать, для света.
А впрочем, что это?

Ведь можно укрыться в часах.
(Подходя к часам).

Что с тобой? Откуда этот страх?
Не забывай, что мы с тобой за штуки!
На людях возьми себя в руки!

Смелее, друг! Я буду здесь.
(Забирается в часовую ящик, часы бьют).

Я до
*(входит. Это — слуга отца, негр гигантского сложения.
С трудом ворочает языком. В руке фонарь).*

Кто это?

Тамал.

Я! Я до!

Я до.

Хо! Кто — такой?

(Поднимает фонарь).

Хо! Кто? — Господин — Господин молодой!
Где ж ты был вчера?

Тамал.

Вчера? Что с тобой?

Семь лет пропадал я!

Я до.

Семь, — говоришь ты?

Тамал.

Ну, да, говорю.

Как прежде, старик, мудришь ты.

Я до
(с силой).

Я — слуга — твоему — отцу!

Тамал
(вздвигнув).

Где он?

Я до
(показывая наверх).

Там!

Тамал.

На крыше?

Я до.

Да, на крыше!

Тамал.

Ну

Я до.

Смотрит — звезды — небо —

Тамал.

И? Ну!

Я до.

На — улицу — смотрит —

Тамал.

На улицу смотрит!? А почему
На улицу смотрит он?

Я до.

Ты!

Тамал.

Я!

(Мягко).

Семь лет прошло, а он ждет меня
И смотрит!

Я до.

Надо — бы — понять —
Хозяин — старый — хочет — спать.

Тамал.

Дверь хлопнула. Я продрог.
(Чужим, как будто, голосом).

А где тетрадь? Готов ли мой урок?

Наверху гулко отдаются тяжелые, медленные шаги, переходят по лестнице вниз, потом слышны вдоль верхней галереи, снова переходят по лестнице вниз, потом вдоль нижней галереи, снова вниз, громко, все ближе и —
входит Отец.

Тамал

(стоит, опустив голову).

Отец

(печально).

Ты отвратил свой взгляд!

Тамал

(поворачивается к нему).

Отец.

Да, время беспощадно. Видишь сам.
(Без всякого упрека).

Ты из дому бежал, семь лет назад,
Ребенком.

Тамал.

И вернулся взрослым к вам.

Отец.

Увидим.

Тамал.

Мне не веришь до сих пор ты?

Отец

(смотрит на него пристально).

Да, верить нет причины у меня.
Все тот же рот упрямый, детски-гордый,
Все тот же взор, исполненный огня.

Тамал.

Да! Но с тех пор, как из дому я вышел,
Я жизнь узнал — не так, как ты, на крыше.

Отец.

Что за угар пьянит тебя! Едва
Мы встретились — уж резкие слова.
Ведь я тебя не упрекнул при встрече.

Тамал.

Досадно — ты не знаешь мне цены.

Отец.

Забочусь я... К чему ж такие речи?

Тамал.

Все чтят меня, все мной восхищены.

Отец.

Пустой почет, для тесного кружка лишь,
Честь на прокат! Прием и стар и прост:
Все чтят тебя, пока ты всех их хвалишь,
Не стал хвалить — и ты прохвост!

Тамал.

В меня иные верят все же.
(Тихо).

Некто

Меня поднимет в звездные края.

Отец
(вспылив).

Тщеславный! Ты всего лишь только Я.
(Спокойно).

Взор обрати к наследству своему.

Тамал.

Наследник? Нет, начало я всему.

Отец.

Да, эта слабость худшая на свете:
Играть словами, их бросать на ветер.
Наследник ты! Вот посмотри! Какой
Прекрасный вид! Я начал с небольшого,
Придумывал, терял, стремился, снова
Приобретал, и дом построил свой.
Ребенком уж нужде я покорился,
Талант на умирание обрек.
(Я тоже ведь для лучшего родился,
Ты знаешь, я немного астролог).
Здесь кровь и труд, куда ты взор ни бросишь —
И их ты в жертву прихоти приносишь!

Все это, что я выстрадал один,
Пусть ты возьмешь — возьмет родной мой сын!
Трудом не только я обогатился —
В стране высокой степени добился,
И многие мечтают о едином:
Назваться мне наследником и сыном.
Чем без меня ты был бы? Все в стране
Тебе друзья — но из любви ко мне.

Звуки охотничьих труб.
Входит Канцлер (монах) с факелоносцами и охотниками.
На нем желтый охотничий костюм, в руке копьё.

Канцлер.

Как мне проехать мимо! Дружба шпоры
Дает коню, в надежде встречи скорой.
Короток, правда, канцлера досуг,
Но как не посмотреть, здоров ли друг.

Отец.

Благоволеньем друга дом святится.
Позволь к тебе касаньем приобшиться.
(Приветствуют друг друга, с соблюдением церемонии касания бедер руками).

Канцлер.

Со свитой князь охотится с утра.
Ты что-то сторонись от двора,
Князь, не дождавшись твоего прихода,
Сам выйдет за тобою скорохода.

Отец.

Пролился в душу свет от этих слов
Отрадных. Вскоре буду я готов.
Я поспешу, чтоб счастьем насладиться,
Закончить кое-что, распорядиться.

Канцлер.

Охотно доложу я...

(Глядя на Тамала).

Впрочем... что ж...

Отец.

Ко мне, в мой дом вернулся сын, Тамал.

Канцлер.

Прекрасно это. Нашу молодежь
Военный вихрь рассеял, разогнал.
От новых мало толку ждать придется:
Едва ль один хоть с именем найдется.
(Обращаясь к Тамалу).

Привет тебе, сын друга моего!
Надежды трона, княжества всего
Возложены на молодость такую.
Себе ты должность выбери любую,
И в будущем наград тебе не счесть.

Отец,

Решайся, сын! — Благодарим за честь!

Тамал.

На что мне ваши должности, награды,
И этот ваш почет и ваша власть!

Канцлер

(без всякой иронии).

Ну, ну, мой друг, к чему же пыл и страсть!
Не хочешь ты? Другие будут рады!
Я только долг свой трудный исполняю.
Я не прошу, всего лишь предлагаю.
(Обращаясь к отцу).

Итак, мой друг, тебя ждет государь.
(Уходит со свитой).

Отец.

На похвальбу ты мастер, без сомненья,
Хоть в прочем не добился мастерства.

Тамал.

Я так и знал — знакомые слова!

Отец

(насмешливо).

Параболы я вспомнил уравненье.

Тамал.

Все тот же вздор старинный.

Отец.

Не снесла

Последнего удара мать-бедняжка!

Тамал.

А кто нанес ей первый, самый тяжкий?

Отец.

О! Берегись! Но для чего
Слова бросать на ветер столь бесплодно!
Дай мне ответ, скажи: Тебе угодно
Наследником быть дома моего?
Ты хочешь? Да? — Уж сорок лет гнетет
Меня тяжелая забота
И скоро в гроб меня сведет.
Останься! Ты увидишь, что работа
Для духа сладостный бальзам.
Себя ты не узнаешь сам.

Уходят с головою люди в труд
От зла, которое в себе несут.
В труде найдешь ты счастье и силу,
Лишь приступи, забыв обман и ложь.
Потом, даст Бог, жену в свой дом введешь,
И вы меня опустите в могилу.
Уверенно умру я, сознавая,
Что длится род в веках, не увядая.
Что ж? Ты согласен?

Тамал.

Нет!

Отец.

Нет?

Тамал.

Нет!

Твои уловки тщетны, искушитель.

Отец.

Ты так решил, судьбы своей властитель.
Не хочешь? Так. Ты с этого мгновенья
От моего избавлен попеченья!
Иди — чтоб року высшему подпасть!

Тамал.

Не все еще!

Отец.

Что?

Тамал.

Часть!

Отец.

Какая часть?

Тамал.

Наследственную часть мою отдай!

Отец.

Наследство признаешь ты? Непонятно.
Ты от своих отрекся слов?

Тамал.

Я корабли сжигаю безвозвратно!
От дома отказаться я готов,
Но, чтоб вступить на новую дорогу,
Нуждаюсь я в наследственных деньгах.

Отец.

Нет, ни за что! Не дам ни сольдо! В прах
Иначе я развеюсь понемногу.

Тамал.

Так ты не дашь?

Отец.

Нет! Ни гроша не дам.
Ты сделал выбор. Хочешь удалиться.
Иди же, чтобы жизни поучиться.
Ты, может быть, вернешься сам,
Пока не поздно — что ж, я буду рад;
А если нет, и я умру в разлуке, —
Все передам я в княжеские руки;
Грядущее созвездия таят.

(Останавливается на мгновение.)

Смущенно-дерзкий вид! Мальчишески ты судишь.
Не можешь сыном быть — каким отцом ты будешь?

Уходит в спальню. Ядо следует за ним и задерживает полог.
Человек из зеркала появляется из часовой коробки. Часы
опять бьют. Диалог подавленным шопотом:

Человек из зеркала.

Проклятье! Так ли
С отцом ведут разговор?

Тамал.

С собою не справится мне!
И этот взор!
Я мог бы его...
И всетаки жаль отца!

Человек из зеркала.

А деньги?

Тамал.

Здесь ничего не добиться.

Человек из зеркала.

Так завтра наймись в землекопы.
Но этот ларь не пуст внутри.

(Похлопывает по ящику).

Вот посмотри.
А ключ где?

Тамал.

На шее у него,
Продет в цепочку.

Человек из зеркала.

Ну?!!

Тамал.

Фу!

Человек из зеркала.

Есть невинное средство!
Эфесский алфавит!
Знаешь, в чем дело?

Тамал.

Нет!

Человек из зеркала.

У спящего в изголовьи.
Скажи первых три слова!
Сон волшебным путем укрепитя,
И тогда лишь проснется он,
Когда ты горами от него отделен.

Ядо появляется из спальни и проходит через сцену. Че-
ловек из зеркала становится внезапно невидимым.

Тамал.

Вдруг это волшебство
Для него опасно? Возможно?

Человек из зеркала

(появляется внезапно рядом с Тамалом).

Нет. Если как следует, осторожно,
То — ничего!
Вот разве что:
Если в то время,
Как ты произносишь заклятье,
Мысль об убийстве в душе мелькнет,
Дело свершится —
Он умрет.

Тамал.

Ты сам сверши заклинанье!

Человек из зеркала.

Еще не вполне я
Живу во вне,
Повлиять на него не в силах.

(Прислушивается).

Спит он
И дышит спокойно.

Тамал.

Вздыхнул!

Человек из зеркала
(внушительно).

Хэкса, Тетракс, Даменэус!
Вот эти три слова.

Тамал.

Нет, не могу я...

Человек из зеркала.

Ты должен.

Тамал.

Снова вздохнул.
Из-за меня вздохнул!

Человек из зеркала
(гипнотически, указывая на дверь).

Ну!

Тамал.

Сам виноват он!
(Устремляется в спальню. Человек из зеркала сидит, вялый, как автомат, на ларе).

Человек из зеркала.

Так: Хэкса — Тетракс — Даменэус!
Цепочка! Сорви ее! Так!

Тамал

(возвращается бледный, расстроенный и бросает человеку из зеркала небольшой ключ).

Я неспокоен!
Мысли дурные,
Впрямь и вкось,
Так и скользят по душе.
Прочь отсюда!
Отец!

Человек из зеркала

(вскрывает ящик и набивает карман и пояс золотом. Потом взваливает себе на плечи мешок).

Ну что же, идем?

Тамал.

Что мне пришло на ум?

(Бросается к выходу).

Человек из зеркала
(уходя).

Старинное полезно вспомнить средство,
Теперь, когда весь мир во власти мятежей:
Раз ты уйти не можешь от наследства,
То, чтобы им владеть — убей!

II

ТЕРРАСА ДВОРЦА

Здание в индийском вкусе с тысячами колонн, колонок окон, уродцев. Средняя часть сцены занята террасой, на некоторой высоте. К авансцене спускается открытая лестница, круто свешивающаяся над живописной дорогой. На террасе стол, за которым сидят Тамал, Человек из зеркала и трое поклонников.

Человек из зеркала

(поет, сам себе аккомпанируя, застольную песнь Человека из зеркала).

Кто из камня строит дом,
Тот строит сам себе темницу.
А потому, друзья—бегом!
И—напролом!
Во все ворота биться, ломиться!
В путь, без припасов, без клади,
Налегке,—все оставлено сзади!
Что за чудесный дар
Все позабыть,
Пить!
Жизни хозяин—угар!

Чего добьется, кто заране
Предвидит радости конец?
Он кладбище воспоминаний,
Мертвец!

Вот мой совет, чтоб радость умножить:
Не поддаваться! Бродить!
Пить!

И память в себе уничтожить!

По стенам уж трещина вьется,
Тесная, словно страх.
Блеск в чьих-то злобных глазах,
Кто-то оттуда глядит и смеется.
Жизнь или смерть? Все равно!
Отплывье нам суждено!
Утром и вечером то же глубокое дно.
Что за чудесный дар—
Все позабыть,
Пить!
Жизни хозяин—угар!

Первый поклонник *(анлодируя).*

В тебе подозревал я журналиста,
Но тут—талант почти экспрессиониста.

Третий поклонник.

Притом соблюдены в строеньи строф
Заветы наших строгих мастеров.

Второй поклонник.

(Подергиванья в лице и в теле, происходящие от нервного тика, как бы ускоряют его речь).

В старинно-новом стиле ты поэт!
И пафос и отделка! Мой привет!

Третий поклонник *(протягивая бокал).*

И мой привет, в таком же точно стиле!

Человек из зеркала.

Вы пристыдить меня решили?
Моей заслуги в этом нет.
Иной душой я вдохновился,
Свет личности иной в поэме воплотился.
Текст, мысли, тема, все подходы
Тончайшие, эффекты, эпизоды,
Ну, словом, все не мне принадлежит.
(Указывая на Тамала).
Вот автор, рядом с нами он сидит.

Тамал.

Я? Нет! Не я! Все это чуждо мне.

Второй поклонник
(в подобающем градусе опьянения).

Ха! Слово—башня! Новый! В высь! Во вне!

Первый поклонник.

Тамал, о ты, угодный небесам,
С тобою быть—как это возвышает!

Второй поклонник.

Обогащает как!

Третий поклонник.

Как укрепляет!

Второй поклонник.

Послушай, ты—мой жизненный бальзам!
Мой кокаин!

Все чокаются.

Гамал.

Я мало сделал до сих пор,
Чтоб ваше заслужить благоволение.

Первый поклонник
(хватает его руки).

Тебе не ставлю этого в укор.
Приманка ты, а я пчела, слепень я,
Я шмель, я муха—ты же дивный плод,
Чей аромат пьянящий и влекущий,
Моя душа, в томленьи страстном, пьет.

Второй поклонник.

Ты—лакомство ему, а мне ты—хлеб насущный!

Третий поклонник.

Ты—наш восторг, пьянящее вино!

Второй поклонник.

Страдаю грудью я давно,
Бывало, лихорадкой я томился,
Врачи не помогали. Ты явился—
И места нет болезням и скорбям!

Все трое.

Ты чудо, свыше явленное нам!

Тамал

(встает).

Хвалу да изрекут мои уста
Богам за то, что я подобье их,
Что влага я, поящая живых,
Отверстые врата,
Куда друзей вступает вереница.
(Со скорбным сомнением).

О, если б так! О, если бы свершиться
Деянию, которого взалкал
Я всей душой!..

Человек из зеркала.

Да здравствует!

Поклонники.

Да здравствует Тамал!

Чокаются.

Тамал

(медленно садится на свое место).

Как грустно мне!

*(За спиной пирующих появляется Владелец дворца
(монах) в темных одеждах).*

Владелец дворца.

Привет тебе, Тамал, мой гость, мой сын!

Тамал.

Кто это?

Человек из зеркала
(беспокойно подступая к Тамалу).

Здешний властелин.
(Все поднимаются из-за стола).

Владелец дворца.

Того, чья юность чтится целым светом,
В своем дому встречаю я приветом.
Вы даже утро в праздник обратили.
Пей, гость мой!

Пейте, гости дорогие!

Тамал
(смущенно).

Вступи и ты в пирующих семью...

Владелец дворца.

Благодарю вас, я не пью.

Тамал.

Прости меня.

Владелец дворца.

Родитель твой, Тамал,

Был другом задушевым мне когда-то.
О нем с тех пор я часто тосковал,
И он, быть может, дружбу помнит свято.
Когда б нам снова встретиться! Он жив?

Тамал
(содрогнувшись).

Он жив...

Владелец дворца.

Я рад! Не ведает тревоги?
Здоров?

Тамал.

Здоров, коль так судили боги.

Владелец дворца.

Ты побледнел?

Человек из зеркала
(дотрогивается до Тамала).

Тамал
(успокаивается).

Владелец дворца.

Уверен я, теперь недолго нам уж
В разлуке быть, по милости богов.
Осиротев, для дружбы я готов.
Я дочь свою сегодня выдам замуж
Единственную. Если ты не знал
Об этом раньше, отгадай, Тамал,
Кому принес я дочь родную в дар!

Тамал.

Кто он, не знаю?

Владелец дворца.

Джалифар.

Тамал.

Как, Джалифар, отважный вне сравненья,
Великий, чистый—верх самозабвенья,
Друг юности, товарищ лучший мой,
Отвергнутый и оскорбленный мной?!
Как мог его забыть я?! Но теперь
Вина моя гнетет меня, поверь!
О, почему к раскаявшейся груди
Привлечь мне друга не дано!

Владелец дворца.

Тебя он любит и простил давно.

Тамал.

Я с ним увижусь?

Владелец дворца.

Он сюда прибудет
(спускается по лестнице и исчезает).

Человек из зеркала.

Не гневайся, почтенный, до свиданья!
Мне действуют на нервы излиянья.
Пока ты будешь с другом объясняться,
Позволь в саду мне с ними прогуляться.

Трое поклонников
(протестуют).

Второй поклонник
(при мысли о разлуке с Тамалом начинает судорожно
кашлять).

Человек из зеркала.

Нет, быть свидетелями встречи
Нам не с руки.
Начнутся патетические речи—
Хоть прочь беги!
Что за охота чувствовать томленье
В груди, тоску?
А вот пройтись по холодку
Сплошное наслажденье!
И пользы вы получите немало:
Ведь кое в чем похож я на Тамала.

Первый поклонник.

Конечно! Как на солнце—медный грош!

Второй поклонник.

Как фейерверк на молнию похож!

Тамал.

Идите!

Человек из зеркала
(тащит за собою упирающихся поклонников).

Входит Джалифар.

О, брат мой!

Тамал
(стоит, онемев).

Джалифар.

Руку дай мне, брат!

Тамал.

Я был неправ.

Джалифар.

Дай руку мне, Тамал!
(берет Тамала за руку).

И знай, отныне миновал
Разлад.

Тебя любил я горько. Все изжито.
Любовь осталась, горечь позабыта.

Тамал.

Тебя я предал.

Джалифар.

Трижды это так.

Но ты счастливец, всех стеснений враг,
Мелодия, не скованная мерой,
Ты чужд толпе приниженной и серой,
Такой, как мы. Меня ты огорчил,
Но вместе с тем и дивно одарил
В былые дни. В расчете мы с тобой.

Тамал.

Мой добрый брат!

Джалифар.

Что выстрадано мной,

Погребено! Но в памяти остались
Часы, когда мы вместе наслаждались
Чудесной книгой, мыслью мудреца,
Стихами вдохновенного певца—
Часы, когда в таинственном общении
Мы постигали неба проявление
Во всем—будь это женщина-царица,
Иль песня, что волнующе звенит
И, обрываясь, сладостно искрится,
Иль море, или нежный сельский вид,—
Часы, когда, сменяя мрак бессонный,
Рассвета луч прозрачный и зеленый
На голубые падал зеркала,
И речь твоя так сладостно текла!—
Когда об этом вновь я вспоминаю,
Твою я близость живо ощущаю.
(С нежностью).

Рассказывай! Я слушаю, о милый.

Тамал.

Мне тяжело раскапывать могилы.
Бичами гонит жизнь меня вперед
И пустотою дьявольской гнетет.
Я сердцем там, где смерти ожидаю,
В местах, которых сам не знаю,
Где сам себя преследует беглец,
Уготавливая сам себе конец.

Джалифар.

И я ведь честолюбием томился.
Самопознание—истины залог,

Суд над собой и жизненный итог!
И я душой смирился.
И вот, когда я подавил все страсти,
Досталось мне неслыханное счастье,
Которое немногим лишь дано:
Тамал, люблю я и люблю давно.

Тамал
(сухо).

Будь счастлив.

Джалифар.

Знай, Тамал, что я Амфэ люблю,
И нынче в полночь с нею в брак вступаю.

Тамал.

Еще раз поздравляю!

Джалифар
(сдерживаясь, с благородством).

Да, Тамал,
В сравнении с твоим, мой круг ничтожен, мал;
Тебе дано иною жизнью править,
Но ты меня не должен низко ставить.
Крестьянский сын, прикован я цепями
К земле, держусь обеими руками
За жизнь и, не витая в облаках,
Уверенно стою я на ногах.
Я помню поступь легкую... одета
Легко, и вьются волосы ее...
„Мать сына моего“, — подумал я...
Здесь таинство! Тебе понятно это?

Тамал.

Нет! От младенцев я впадаю в дрожь.

Джалифар.

Ты циник! Но когда-нибудь поймешь!

Тамал.

Далек я, чужд, друг юности и брат,
Всеу тому, что ты сказал теперь.
И все же—верь,
Понять я был бы рад.
Взглянуть на вас со стороны—
Вы все, счастливые вполне,
Мне ненавистны и смешны,
И ваша радость—бремя мне!
Построю башню я под небесами:
Не видеть вас, быть липезримым вами!
(В испуге хватает его за руку).

Прости!

Джалифар.

Охотно! Все ведь понял я.
Счастливец! Впрочем, я тебя счастливей,
Ребенок ты еще честолюбивый!

Человек из зеркала и три поклонника
(входят, запыхавшись).

Процессия!

Джалифар
(с теплотой в голосе).

Она, свершив обряд святой, идет
Из храма. Вот, сейчас, увидишь ты.
Богине в жертву—молоко и мед,
Вино и белые цветы!
Нет, нет, мой друг, тебя я не бедней—
Так сердце говорит в груди моей.
(Быстро спускается по лестнице).

Неожиданно раздаются звуки музыки — марш — гонг, небольшие барабаны и колокольчики. Проходят в торжественном шествии Амфэ, Владелец дворца, гости, дворцовая челядь. Джалифар берет Амфэ за левую руку, так что она всходит по лестнице между ним и Владелцем дворца, в сопровождении праздничной свиты. Все размещаются на террасе.

Владелец дворца
(представляя Тамала Амфэ).

Наш гость, Тамал, украсит праздник твой.
(К Человеку из зеркала и другим).

Вас, господа, прошу я вслед за мной!
(Все, кроме Тамала и Человека из зеркала, уходят).

Человек из зеркала.

Она взглянула на тебя!

Тамал.

Как он ее ведет!
Хозяин!

Человек из зеркала.

А взгляд-то!

Тамал.

Любит она его?

Человек из зеркала.

Она взглянула на тебя!

Тамал.

В коленях дрожь,
Так хороша она!

Человек из зеркала.

А взгляд-то!

Тамал.

Его — не моя!

Человек из зеркала
(убедительно).

Его — настолько, что, уверен я,
Подует ветер, и она твоя!

(Быстро направляются во дворцы).

III

В ПАРКЕ

Лужайка в парке. Песчаные дорожки. На заднем плане сплошная стена деревьев. Апрельские сумерки. Через сцену пробегает Человек из зеркала. Подает сигналы, помахивая двумя цветными фонарями. Потом сразу исчезает за деревьями. Появляется Амфэ и за нею, быстрыми шагами, Тамал.

Амфэ.

То не дворец! Куда завлек
Меня болотный огонек?

Тамал.

Зачем бежишь ты от меня
И прячешься, день ото дня?
Вот вот уж я тебя настиг—
Ты исчезаешь в тот же миг!
О, останься!

Амфэ.

Нет!

Тамал.

Почему

Холодна ты ко мне одному

А всем другим улыбки даришь,
На каждого дурня нежно глядишь!
Ты меня ненавидишь?

Амфэ.

Нет!

Тамал.

Кто придет—

Ты готова с каждым вступить в разговор.
А мне? Отказ во время танцев! Позор!
Почему?

Амфэ.

Да так! Мне не нравится, вот,
Как говоришь ты о муже моем:
Иронии всегдашней выражение,
И полускрытое презрение,
И превосходства вид во всем
Не нравится!! А он тобою лишь живет,
Так чтит тебя! Кто на тебя дерзнет,
Того, я знаю, он сживет со свету.
А ты? Чем за любовь ты платишь эту?

Тамал.

В долгу не остаюсь я перед ним.
Мой друг, твой муж прекрасен, несравним
Ни с кем, он рыцарь, принц, не эгоист,
Готов на жертву, полон благородства.
Известно мне, что он высок и чист.
Как не признать такого превосходства?

Амфэ.

О лицемер!

Тамал.

Сказал я откровенно,
Что думаю—не более того.
На свете он один лишь—совершенный,
Мы—снимки бледные с него!

Амфэ.

О, как ты лжив!

Тамал
(искренно).

Я чту его ревниво.

Амфэ.

Ха-ха!

Тамал.

А что?

Амфэ.

Вот, ты мигнул смешливо.

Тамал.

Я не мигнул. Все это правда, верь.

Амфэ.

Скосил глаза!

Тамал.

Все ясно мне теперь.

Амфэ
(резко).

Что ясно?

Тамал.

Ничего, молчу.

Амфэ.

Скажи!

Тамал.

Я нем.

Амфэ.

Но я хочу!

Тамал.

Нет, нет!

Амфэ.

Я жду ответа твоего.

Тамал.

Ну, если так... Не любишь ты его!

Амфэ.

О боги, вы...

Тамал.

Не любишь, нет!

Амфэ.

Люблю.

Тамал.

Твой долг дает ответ,
Не ты сама. Любить хотела ты,
Храня в душе сознание пустоты.
Теперь мечтаешь ты о сохраненьи
Иллюзии твоей, самовнушенья,
Прозреть боишься, в страхе и тоске,
Что строила блаженство на песке.

Нет! нет!

Амфэ.

Тамал.

Поверь, мне ведомо паденье
С небес на землю и закон толчка
И наименьшего сопротивления,
Самообман хвастливый простака!
Он хвалится, что хочет, а на деле
Безвольно подвигается к постели,
К еде, к питью, к приятностям бесспорным
Удобство—вот предел мечтаньям вздорным!
Амфэ! О воплощение чистоты,
Прекрасна, благородна слишком ты,
Чтоб к чуждой воле слепо применяться!

Амфэ.

Свободна я!

Тамал.

Свободу обрети!
Твоей свободой было: покоряться!

Амфэ.

Ты делаешь мне больно!

Тамал.

О, прости!
Но знай: мне в этой боли нет укора.
В тебе давно померкла ясность взора,
Бессонна и тревожна ночь твоя.
Да, да! Мое болезненно-касание
К открытой ране прикоснулся я.

Да, к ране!

Амфэ.

Тамал.

Хочешь ты существованья
Умеренного, скромного? Вель так?
Супружеских объятий полумрак,
Подавленные, тщетные желанья?
Дарить ему свою любовь без страсти,
И за какую цену? Не за счастье—
За дружбу и за преданность его.
Не зная, что значит дрожь и волшебство!
Не получить от жизни ничего!
Ты хочешь мертвой мере подчиниться,
Самообману безнадежных дней?
Мечтать и никогда не загораться
От тех огней,
Которые не жгут, не опаляют,
Но в Бога человека претворяют?

Амфэ

(защищаясь иступленно).

Оставь! Не надо! Уходи!

Тамал

(вплотную подойдя к ней, страстно, тихо).

Не добродетель, страх в твоей груди.
Как ты прекрасна! Грешные уста,
И взор, в котором притаилась бездна!
Нет, нет, ты не заглохнешь бесполезно,
Бесплодно не увянет красота!
Я по тебе в вечерний час вздыхаю,
В отчаянии ночи провожу,
Когда твой шаг влекущий вспоминаю!

И даже, засыпая, весь дрожу:
Я знаю, в сновиденьи ты предстанешь,
А на яву измучишь и обманешь.
(Бросается к ее ногам).

О эти ноги!

Амфэ
(с мукой в голосе).

Пощади!

Тамал.

Моя! Моя!

Лишь для меня пвела и распускалась!

Судьба свела нас!

Люблю тебя!

Ты знаешь того, с кем ты боролась?

Вселенской трубы я голос,

Ее зов протяжный, вопль и крик.

Будь велика, как я велик!

Много свершить мне дано.

Слиты в одно,

В единой, общей судьбе,

На вершины с тобой взойдем мы!

Все свои вихри, молнии, громы,

Бездны, паденья—и небо дарю тебе!

(Привлекает ее к себе).

Амфэ
(вырываясь).

На помощь, голос внутренней тревоги!

Еще один лишь звук, и я погибла! Боги!

(Убегает).

В глубине сцены, на верхушке дерева появляется Человек из зеркала, неистово сигнализирует фонарем и исчезает.

Тамал
(вслед бегущей).

Останься! Слышишь! Куда?

Джалифар
(появляется внезапно).

С кем говоришь ты?

Тамал
(круто поворачивается к нему).

Джалифар!

Джалифар.

Тамал,

Гы звал кого-то?

Тамал.

Звал? Кого я звал?

А что?

Джалифар.

Здесь была жена моя!

(Громко).

Тамал!

(Совсем тихо).

О Тамал, тебе верю я!

IV

ПЕРЕД ЗАНАВЕСОМ

На пространство перед занавесом падает слабый свет
рампы. В продолжение всей сцены музыка—то издали, то
приближаясь.

Справа выскакивает, проделывая па польки. Человек из
зеркала и, танцуя, идет вдоль занавеса. На этот раз в
его руках большой, разноцветный, многогранный фонарь.
Временами он останавливается и подает знаки, потом
быстро исчезает в левой кулисе просцениума. Вскоре
появляется Джалифар и идет справа налево вдоль занавеса.
Он одет в темное платье, европейски-средневекового
покроя, и в широкий дорожный плащ, словно приготовился
к путешествию. Он тоже временами останавливается,
понурия голову, и потом уходит влево. Музыка нарастает.
Справа быстро входят Амфэ и за нею Тамал.

Тамал.

О дорогая! Наконец!

Амфэ.

А он—не знает ничего.

Тамал.

Слияние двух сердец!

Амфэ.

Тревога! Подозрение!

Тамал.

Так быть должно

Амфэ.

О, эта ночь! Мученье!

О, солнца светлого восход

Тамал.

Свобода нас ждет!

Амфэ.

Музыка! Ах!

Тамал.

Ты дрожишь!

Амфэ.

Он—и мы!

Тамал
(злбно).

Куда ты глядишь?

Амфэ.

На тебя!

Руку! Любимый мой!

Все мертво! Лишь ты

Сильный, щедрый, живой!

Тамал
(cantabile).

О, этот взгляд,

Склоненный надо мной,

Как солнце в летний зной!

О, аромат

Красы сокрытой!

Он, ядовитый,

Готовит смерть.

Амфэ.
Умереть!
Тамал.
Целуй!
(Целует ее).
Амфэ.
Как стучат твои зубы!
Тамал.
Целуй!
В губы!
Амфэ.
Вечно!..
Тамал
(почти теряя сознание от страсти).
Бедра! Колени!
Нога вот эта!
Идем!
Амфэ
(в порыве ужаса).
О нет!
Тамал.
Сейчас!
Амфэ
(бросаясь ему на шею).
На погибель
С тобой пойти я готова!
Тамал увлекает Амфэ. Они скрываются в прорез занавеса—узкая, еле видная полоска, слабо светящаяся на темном фоне. Музыка становится громкой и задорной.

ПАНТОМИМА.

Человек из зеркала крадется в такт музыки, на цыпочках, справа к середине занавеса. Просовывает голову в прорез, некоторое время остается в таком положении, потом поворачивает к публике возбужденное и осовелое лицо. Внезапно за занавесом воцаряется мрак. Человек из зеркала высоко поднимает фонарь и всматривается. Неожиданно что-то тяжелое падает на пол. Заминка в музыке. Человек из зеркала с быстротой молнии поворачивается.

Джалифар появляется слева, опустив голову. Человек из зеркала, высоко держа в одной руке фонарь, другой старается изо всех сил прикрыть прорез в занавесе, стоя к нему спиной.

Человек из зеркала.

Тсс-сс-ссс!

Джалифар, пораженный, останавливается, отступает два-три шага назад, хватается за оружие и несколько мгновений пребывает в неподвижности. Потом внезапно прикрывает лицо плащом и медленно уходит вправо; Человек из зеркала, оставаясь в том же положении, смотрит ему вслед. Он счастлив, подпрыгивает трижды на месте и наблюдает снова. Им овладевает все большее и большее возбуждение, он хрипит, раскрывает руки для объятий и изображает таким образом перед зрителями происходящую за занавесом любовную сцену.

Человек из зеркала
(содрогаясь, в экстазе).

О!

Музыка обрывается вдруг. Человек из зеркала роняет фонарь, поворачивается к публике, вытирает пот со лба и встряхивается. Расслабленный, делает несколько шагов, зевает, прикрывая рот. Он устал, делает пренебрежительный жест рукой и примащивается около суфлерской будки. Тамал и Амфэ появляются из-за занавеса, на этот раз Тамал впереди.

Амфэ.

О лучший час всей жизни, отблеск рая!
Живу! Живу! Тамал, себя нашла я,
Когда с тобой в объятьях мы слились.
Целуй меня!
(Делает шаг и натывается на оброненный Человеком из зеркала фонарь).

Тамал.

Услышат! Берегись!

Амфэ.

Подумай, неуверенность, сомненья,
Мучительные мысли, подозренья,
Тревога, чувства страха и стыда—
Все это испарилось без следа.
Дай руку!

Тамал.

Нет! Придумать нужно средство,
Как отвратить погоню. Наше бегство
Потребует и ловкости и сил.

Амфэ.

О, мой любимый, как ты добр и мил!
Я как во сне! Оставить дом постылый,
Бежать с тобою—сладкий грех!
Лишь одного жалею я из всех—
Отца...

Тамал.

Отца?

Амфэ.

Ты побледнел, мой милый?

Тамал

(страдальчески, и вместе с тем наигранно-доктринерским тоном).

Я? Ничего... Но ты должна уйти
Со мной, чтоб развиваться и расти!
Себя я посвятил высокой цели;
Срок близится, чтобы свершить на деле
То, что во сне явили мне мечты.
Служу я сну,—служи ему и ты!
(Оба уходят).

Человек из зеркала
(рассматривая свой фонарь).

Чертовски тонко жизнь определила:
До этого мужчина полон пыла,
А женщина, напротив, холодна;
Потом пылает в свой черед она,
А он глядит, который час. И сила
Природного обмана спасена.

V

БОЛЬШАЯ ДОРОГА

На переднем плане большая дорога. В глубине сцены палатки. Под ними разведен огонь, к деревьям привязаны кони; все приметы лагерной стоянки. Тамал сидит на краю канавы, свесив в нее ноги. Человек из зеркала позади него.

Тамал.

Так день за днем проходит, уж давно,
И ничего еще не свершено!
Сомненья червь закрался в сердце. Тщетно
Борюсь—страдает дух мой ожиреньем,
И воля падает приметно.
А вера в подвиг и в предназначенье,
Которую ты как-то мне внушил,
Тупеет. Без руля и без ветрил
Болтаюсь я, безжизненно и вяло.
Где подвиг? Даже приключений мало,—
Лишь забавляюсь я по мере сил.

Человек из зеркала.

Я знаю, милый друг, в чем дело.

Тамал.

Знаешь?

Человек из зеркала.

Пустячною болезнью ты страдаешь.
Но если дальше так пойдет—твоя вина!..

Тамал.

Ну, говори!

Человек из зеркала.

Болезнь твоя—

(показывая большим пальцем через плечо, назад)

Она!

Тамал.

Амфэ?

Человек из зеркала.

Она! Открыто сам признай!
Приспело время жертвы: выбирай!

Тамал.

Нет!

Человек из зеркала.

Брось ее! И выиграешь первый!

Тамал

(против собственной воли).

Ты прав. Она мне действует на нервы.

Человек из зеркала.

Так брось ее!

Тамал.

В порыве дикой страсти
Я рвался к обладанью. Овладел—
И нет ее. Таков людской удел:

Мы убиваем всё, что в нашей власти.
Я победил—и победил вполне:
Все отдала она, отдавшись мне.
С тех пор лишь через силу я целую,
С ней ночи через силу провожу я,
Не выношу ее, ее речей.
Что будет дальше?!

Человек из зеркала.

Брось ее скорей!

Тамал.

Что я, убийца? Негодяй? Злодей?

Человек из зеркала.

Да, нужно сделать выбор хладнокровно:
Убить себя или ее—духовно.

Тамал.

Нет, нет! Уж лучше буду лгать по гроб!

Человек из зеркала.

Извозчичья рысца, а не галоп!
(Отходит к самой рамке).

Тамал.

Я заболею.

Амфэ
(входит).

Разве утро, милый,
Не светлый Бог? Походкой легкрылой
Я шла сегодня в росах, по траве,
И ты стал Утром, Днем и Богом стал.

Меня своею мощью испугал,
И я, дрожа, к небесной синеве
Взмолилась. „Мой супруг!“ я прошептала.
И, дерево увидев близ воды,
Я эти незнакомые плоды
С него, любимый, для тебя собрала.
(Опускается на колени и рассматривает перед Тамалом крупные плоды, принесенные в подоле платья).

Тамал

(неврастенически, сквозь зубы).

Так, лирика! Знакомая шарманка!

Человек из зеркала

(в публику).

Я говорю ведь. Попросту мешанка!
(Уходит).

Амфэ.

Что ж ты молчишь?

Тамал.

Так. Мне не по себе.

Амфэ.

А этот шут,—что в нем тебе?
Зачем ты привязался к этой роже?
Я чувствую, твою он душу гложет.
Ты с ним хорош, а он мне—враг.

Тамал
(яростно).

Он близок мне!

Амфэ
(испуганно).

К несчастью, это так.
Нередко даже ты готов надеть
Его лицо, как маску. Он погубит
Тебя, я это знаю.

Тамал
(выйдя из себя).

Кто не любит
Его, не любит и меня. Заметь!

Амфэ
(в ужасе).

Я не люблю тебя?

Тамал.
Уже давно.

Амфэ.
Я—не люблю!

Тамал.
В твоём лице одно
Написано отчетливо: томленье,
Особенно—в минуты наслажденья!

Амфэ.
Я вся дрожу,—Тамал, ты понимаешь,
Что сердцу ты отходную читаешь,
Впервые!

Тамал.
Я любил ведь, дорогая.

Амфэ.

Любил?!

Тамал
(слезливо).

Амфэ!

Амфэ.

О, еслиб умерла я,
Как только ты меня поцеловал!
(Хватается за него).
Не может быть! Скажи, что нет! Тамал!

Тамал.
Нет, ничего. Я просто нездоров.

Амфэ.
Ну да, болезнь. Понятно, ведь, без слов.
Меня ты любишь. Отвечай, молю.

Тамал.
Ну, что? Конечно—я тебя люблю.

Амфэ
(берет его за руку).

Слушай! Когда я сегодня рано
Полею шла, среди цветущего океана,
И кругом прорывался восторг бытия,
Показалось мне—деревом стала я.
Душа таинственно преобразилась,
Все сокровенное ей открылось,
И я стала зрячей. Тамал, дорогой!..
У меня под сердцем ребенок твой.

Фу, чорт!

Тамал
(с возмущением).

Амфэ.
Тамал!

Тамал.
Ну да! Что в нашей власти,
Мы сделаем: предотвратим несчастье.

Амфэ.
Несчастье?!!

Тамал.
Да, конечно! Мы дойдем
До города и бабу позовем.

Амфэ
(исступленно).
Отделаться!

(Тихо).
От сына.

Тамал.
Называй,
Как хочешь! И о чем ты, право? Знай:
Раз ты свою судьбу со мной связала,
Так не мешай мне с самого начала.

Амфэ.
Все, все пропало!
(Уходит вглубь сцены).

Человек из зеркала
(подойдя к Тамалу).
Ну что?

Тамал.
Беременна.

Человек из зеркала.
Однако!

Тамал
(про себя).
Как благородна!

Человек из зеркала.
Это ведь вне брака.
Пожалуй даже, это хорошо.

Тамал.
Что ты сказал?

Человек из зеркала.
Так. Ceterum censeo.
(Прислушивается).

Ого! Кто это едет там, звеня?
Осел в запряжке. Крики, смех, возня!
А! Фокусник! Час от часу милее!
Шпагоглотатели и лицедеи,
Факиры, плясуны, певицы. Шик!
Разит, ты чуешь, запахом румян!
Вот это так! Чудесно! Балаган!
Я сам, ведь, только фокусом возник.

(Приходит в неистовство и начинает танцевать).
Появляется Фокусник (монах). Он ведет на поводу
осла, запряженного в открытый фургон. В фургоне все-
возможные диковинки—гигантские музыкальные инстру-
менты, гимнастические аппараты, приспособления для
фокусов и пр. Среди всего этого закутанная фигура. За
фургоном с трудом тащатся двое стариков, лет по девя-
ности, с виду дервиши.

Человек из зеркала.
Куда, мой друг?

Фокусник.

В Змеиную Долину.

Человек из зеркала
В Змеиную? Что это за страна?

Фокусник.

Холчамбра так в народе названа.

Человек из зеркала.
Но объясни мне скрытую причину
Того, что это имя дали ей.

Фокусник.

Там властвует Анантас, чародей.

Человек из зеркала.
Кто он такой, Анантас?

Фокусник.

Он недобрый,
Надменный дух, спустившийся с высот.
Ему подвластны аспиды и кобры.
Он море пресмыкающихся шлет,
Отвратных, скользких, яростных, на нивы
Холчамбры, от природы столь счастливой.
Аймар, благой и светлый бог страны той,
Гоним змеиной ратью ядовитой.
Там мириады мерзостных ехиден;
Укус их неожидан и невиден,
Но кто укушен, в корчах тот умрет.
Там даже хлеб насущный не растет,
Боятся землепашец выйти в поле,

Человек из зеркала.

Ужели в этой скорби и неволе
Есть место для торговли, ремесла?

Фокусник.

Там, где народ погряз в пучине зла,
Цветут корысть, продажность и разврат.
Для нашего искусства это—клад.

Человек из зеркала.

Не скрою, чрезвычайно интересно.
Ну, покажите номер из программы!
Возможно это здесь, под небесами?
(Бросает ему монету).

Фокусник

(поймав на лету монету).

Благослови вас небо! Крайне лестно
Внимание незаслуженное это!

Тамал

(к Человеку из зеркала).

Его я видел!

Человек из зеркала.

Лысина аскета,

И серое лицо, под цвет земли,
И этот нос! Он, видно, заострился
Не оттого, что человек крутился
На турнике, скорей от...

Фокусник

(бьет в ладоши).

Физилли!

Ага! Кага! Готовьтесь к танцу, живо!

Закутанная женщина соскакивает с фургона и сбрасывает с себя покрывало. На ней короткая юбка для танцев и масса поддельных драгоценностей. Это — Физилли, танцовщица. Оба девяностилетние старца с трясущимися коленями опускаются на землю. Один подносит к губам волынку, другой берет за бубны. Играют нечто ужасающе-нестройное. Физилли танцует артистически-виртуозно, сама по себе. Фокусник подбодряет ее возгласами.

Тамал.

Давно такой не видел. Как красива!

Человек из зеркала.

Как от белил разит и от румян!
А эта обувь. Раз взглянуть — и пьян!

Тамал.

А губы: как вульгарны, как красны!
Как дьявольски глаза подведены!

Человек из зеркала
(с соответствующим жестом).

Ну, да. Чтоб счастье полное вкусить,
Необходимо деньги заплатить.

Тамал.

А эти щеки, лоб, глазные щели!

Человек из зеркала.

Обтянутый атласной кожей череп!

Тамал.

Вот это безобразье и влечет.

Человек из зеркала.

Чрезмерно крупный, выпяченный рот.
Но что-то есть в чертах и в выражении,
Зовущее к запретным наслаждениям.

Тамал
(смеясь).

Короче, мы за нею едем вслед!

Человек из зеркала
(с беспокойством).

Тамал, подумай — мой тебе совет!
В Долине Змей опасно.

Тамал
(к фокуснику).

А бывали
Попытки уничтожить корень зла?

Фокусник.

Спасители являлись без числа
И неизменно погибали.
Старинное пророчество гласит,
Что только тот страну освободит
От страшного проклятья, кто решится
Проникнуть к чародею, в горы Яд,
И выдержит его свирепый взгляд
И речь его, и сердцем не смутится.
Пытались и монахи и герои,
Но погибали все в неравном бое.

Тамал
(слушавший с возрастающим интересом, не выдержав).
Вот!

Человек из зеркала.
Я дрожу!

Тамал
(в состоянии страшного возбуждения).

Вот подвиг, наконец!

Человек из зеркала.
О ужас!

Тамал.
Жизни всей венец
Передо мной блеснул в одно мгновенье.
Я принесу стране спасенье!
Что жизнь! Борьба и вечная тревога,
Лукавство, отступление, смертный страх!
О подвиг! Одолею злого бога
Иль, побежден, повергнут буду в прах!!

Человек из зеркала
(*presto*).
Что вздумал ты. Я как в лихорадке!
Душа ушла от испуга в пятки.
Ведь я по характеру не герой.
Послушай! Ты жертвуешь и мной.

Тамал.
Ты хочешь кончить жизнь беззубым старцем, да?

Человек из зеркала.
Конечно!

Тамал.
Лошадей немедленно сюда!

Амфэ
(появляется с длинным посохом в руке).

Человек из зеркала.
Не слушает! Что ждет нас впереди?

Фокусник.
Желаю вам счастливого пути.
До нового свиданья в древнем храме
Аймара. Небо да пребудет с вами!
(Фургон с фокусниками и со стариками отъезжает).

Физилли.
(подскакивает к Тамалу, тормошит его, целует истинно и потом бежит за фургоном).

Тамал
(смущенно).
Амфэ! Ты это? Милая! Так вот:
Сегодня еду я в Холчамбру; ждет
Меня там поединок с чародеем,
С недобрый духом, повелевшим змеям
Губить людей! Надеюсь, я избавлю
Страну от зла, и тем себя прославлю.
Тебя же мы устроить здесь сумеем.
Не таково, дитя, твоё здоровье,
Чтоб выдержать тяжелые условия
Поездки. Здесь, в каком-нибудь селеньи
Иль городке вкуси отдохновение.
Я дам тебе в защитники слугу.
Найми уютный дом на берегу
Реки, с тенистым садиком. Прекрасно!
Живи себе!..

Амфэ.
Чтоб ждать тебя напрасно?
О нет, Тамал! Я ухожу одна,

Без слуг. Единый выбор мне возможен.
(Закон судеб, ты свят и непреложен!)
Мне кара по заслугам воздана:
Ведь я отвергла любящего тоже.

Тамал.

Амфэ!

Амфэ.

Ни слова больше! То, что скрыто
В моей груди, то скрыто! И отныне
Не спрашивай ни об Амфэ забытой,
Ни о твоём, тебе ненужном, сыне.
Одно теперь питаю я желанье:
Чтоб думал ты о той, кого ты кинул,
Без боли, без душевного терзанья.

Тамал.

Амфэ! моя Амфэ! За нею, вслед!

Человек из зеркала
(с искренним изумлением).

Амфэ? Амфэ на свете вовсе нет!
И не было! Она лишь призрак, знай,
Лишь сон!

(К ним подводят лошадей).

Тамал.

Лишь сон??

(Вставив ногу в стремя).

Так в путь!

(С сомнением).

Я негодай!

(Оба вскакивают в седла).

VI

ХОЛЧАМБРА, СТРАНА ЗМЕИ

Площадь перед храмом. Задний план замыкается фасадом храма, с галереями в несколько этажей. Справа и слева колоннады. По середине сцены статуя Аймара, доброго бога. Голова и тело его захвачены веревками, за которые тянут несколько человек, с дикими возгласами. Жрецы в желтых одеяниях стоят отвернувшись, плачут и прикрывают лица руками. Только верховный жрец стоит выпрямившись, высоко подняв голову. Статуя начинает вдруг колебаться и с страшным грохотом валится на землю. Ликующие возгласы народа, усеявшего колоннады.

Первый мужчина
(попирая статую ногами).

Вались в навоз!

Второй мужчина
(также).

Издохни, пес!

Третий.

Предатель—бог!

Четвертый.

Оглох!

Пятый.

Подох!

(Попирают статую бога ногами).

Первый жрец.
Аймар! Аймар! Ужели ты не встанешь?

Второй жрец.
Кошунство!

Третий жрец.
Гром, ужели ты не грянешь!

Первый мужчина
(мочится богу в лицо).
(Крики).

Бас.
Смотрите-ка! Наш бог вспотел от страха!

Дискант.
В литавры! В барабаны! Бей с размаха!

Варварский грохот от ударных инструментов.
Народ бросается на середину площади и пляшет вокруг
поверженного бога.

Первая женщина
(плюет в лицо богу).

Ты виноват, что детям нет пощады,
Что их перекусили злые гады!

Вторая женщина.
Ты виноват, что мы в подвалах сохнем!

Третья женщина.
Что мы одеты в тряпки и обноски!

Четвертая женщина.
И что одни уроды, недоноски
Рождаются.

Пятая женщина.
Что с голоду мыдохнем.

Первый хор.
Аймар был слаб и плох,
Анантас победил
И в грязь его вдавил.
Теперь Анантас—бог.
Он шлет на нас чуму
И тучи скорпионов
С высоких горных склонов.

Второй хор.
Вы, преподобные отцы,
Кадилонские жрецы,
Заройте в яму бога—
Туда ему дорога.
Анантас нам грозит отвсюду...
Так предадимся лучше блуду!
(Оргия).

Верховный жрец.
(отгоняя толпу от статуи).
Прочь, говорю! Оставьте! Сброд проклятый,
Свиноподобным бешенством обаятый!
Оплеванное вами божество
За вас ведет борьбу святую ныне
Там, высоко, на снеговой вершине
Парвата, и теснится вокруг него
Бесчисленное воинство, рядами—
Архангелы, с хоругвями, с мечами,
Всех степеней—семидесяти трех,
И близок бой. А вами здесь оплеван
И осквернен тот самый светлый бог,
Чьей мощью вам спаситель уготован.
(Смех).

Верховный жрец.
Вы, сброд несчастный, заживо прогнивший!
Глумитесь! Но грядет Он на яву!
Вот, на себе я облачение рву
Смирненно, в честь его.

(Неистовый смех).

Верховный жрец.

Зывайте с крыши!

(Звуки призывных сигналов).

Рога, литавры, барабаны, бубны,
Священную трещотку, грохот трубный,
И семь тарелок—все пустите в ход,
Приветствовать спасителя приход!

Смех становится оглушительным. Снова призывные сигналы. Потом литавры и трещотки.

Первый мужчина.

Пока придет он, станешь стариком.

Второй.

Тебе известны имя, адрес, дом?
Мессии-то?

Верховный жрец.
Молитесь! На колени!

Третий.

Спаситель, верно, где-нибудь в харчевне.

Слева появляются Тамал и Человек из зеркала
и смешиваются с толпою.

Верховный жрец.

Вы, сводницы, пропойцы, блудодеи,
Вина—на вас!—Еще трубить! Сильнее!

(Снова трубные звуки. Тишина).

Вы слышите? Проклятая орда,
Ты слышишь? Это—благовест о чуде!
Вот флейта... ближе... На колени, люди!
Вы слышите?

Первый мужчина.

Волюнку слышно, да!

Доносятся звуки волюнки.

Появляется фокусник со своим фургоном, окруженный толпою народа. На этот раз труппа состоит не только из Физилли и двух старцев, но еще из нескольких седовласых, смертельно-унылых людей. Аплодисменты и ликование.

Верховный жрец
(закрыв лицо руками).

Опять обман! О бог! О ты, который
Меня обрек...

Физилли

(появляется, несомая на руках, над толпою. Хочет говорить, но слышно только):

Милорды и сеньоры!

Дальнейшее теряется среди шума, который затихает затем постепенно.

Толпа образует полукруг. Физилли, с кружкой для сбора денег, идет вдоль этого полукруга. Мужчины обнимают ее, целуют, хватают. Она переходит из одних объятий в другие.

Охрипший мужчина.

Ты, плутовка, блошка, мушка,
Большеротая вертушка!
Попрыгунья, душка, кошка,
Задержись со мной немножко!

Охрипшая женщина.

У проклятый, толстый боров,
Знаю твой поганный норов!
Ночью трусишь, а милашку
Норовишь щипнуть за ляжку.

Несколько женщин
(хрипло).

Свиньи толстые!

Несколько мужчин
(хрипло).

Старухи!

На подбор все колченоги,
Вислогруды, толстобрюхи!

Женщины.

Мало было нам тревоги—
Не хватало потаскухи!

Верховный жрец.

Взамен того, чтоб робкими мольбами
Умерить гнев божественный, вы сами
Безумно громоздите грех на грех.
Отказано мне в помощи небесной,
Спаситель не явился—я, известный,
Я, дряхлый старец, я—свершу за всех
(К жрецам).

Жрецы, подайте перевязь цветную
И посох мой священный! Заклучу я
В железный панцырь немощ естества,
А вы мои запомните слова:
Я, пастырь ваш, спасти желая стадо,
Ломаю дряхлой старости преграды!
(К народу).

Коль хватит сил поднять священный посох,
И посох не обломится в бою,
Вы спасены, и я всего достиг.
Но если боги не велели
Вернуться мне...

Тамал
(выступая вперед).

Ты не пойдешь, старик!
Щади себя, чтоб умереть в постели!
Спаситель вызван звуками трубы,
Смиранные услышаны мольбы.
Я вас спасу—так решено на небе.
(Про себя).

Спасу других—и обрету свой жребий!

Верховный жрец
(опускаясь на колени перед Тамалом).

Я так и знал! Ты послан небесами!
О торжество! Духовными очами
Не раз уже я видел образ твой,
Спаситель сострадающий, герой,
Пришедший, чтоб спасти народ от зла.
Рука твоя сверкает—знак избрания!

Мальчик.

У него сиянье
Вокруг чела!

Девушка.

Он прекрасен!

Женщина.

Молод.

Матрона.
Строен.

Все.
Помоги!

Тамал
(воодушевленный).
Меня окрыляет ваш восторг!
Я жизнь готов отдать за то,
Чтоб победить.

Голос.
Он избран от рожденья.

Второй голос.
Отмечен.

Третий голос.
Осанка!

Четвертый голос.
Голос!

Пятый голос.
Из хорошей семьи.

Шестой голос.
Образован.

Седьмой голос.
Одет как!

Все.
Это ты! Это ты! Ты!

Человек из зеркала
(подойдя вплотную к Тамалу).

К тебе всей душою влекутся они!
Но ты нерасчетлив, себя устранил,
Ты им не сказал политической речи.
Повышенный тон, агитаторский пыл
И пафос—и, смотришь, успех обеспечен!
А ты нас погубишь взамен того,
И при этом чорт знает ради чего.

Тамал.

Лишь ради них. Не в них, однако, дело:
Хочу я осознать себя всецело
И подвиг жертвенный свершить.

Человек из зеркала.

Меня предать задумал ты, убить!

Тамал.

Есть цель у меня! Я в тебе не нуждаюсь!

Человек из зеркала.

О, услышь меня! Я умру, я скончаюсь!

Фокусник
(Тамалу).

Господин! Мне годится приятель ваш,
Как второй комический персонаж.
В моей труппе вакансии свободна,
Я приму его, если вам угодно.

Тамал.

Бери, не спору!

Человек из зеркала.

Убийца, ты
Еще заплачешь!

Тамал.
Заплачу? Мечты!
Жрец!

Верховный жрец.
Что, помазанник мощи господней?

Тамал
(торжественно).
Я еду в горы Яд, сегодня,
Чтобы спасти народ от тирана.

Народ
(фанатически, бурно).
Ааинеооу!!!

Верховный жрец
(в экстазе, высокопарно).

Жрецы! Кадильницу для фимиама,
И панцырь священный, и меч святой!

Тамал.
Нет! Безоружным вступлю я в бой.
(Отбрасывает свое оружие).

Народ.
Ааинеооуу!!!

Тамал поворачивается, чтобы идти. Верховный жрец и народ бросаются вслед за ним. Величественным жестом он останавливает их, и вокруг него образуется пустое пространство. Человек из зеркала с криком подбегает.

Человек из зеркала
(цепляясь за Тамала).

Помоги! Ты и сам дрожишь!

Тамал
(отталкивая его).

Прочь, злой дух!

Человек из зеркала.
Ты в сомненьи. Не поздно еще. Пощади!

Тамал.
(Медленно удаляется вправо). Я глух.

Крики.
Смотрите, Мессия!

Человек из зеркала
(в конвульсиях).

Все, все пропало!

Фокусник
(кладет ему руку на плечо).

Нет еще! Одного порыва—мало.

VII

ПЕЩЕРА АНАНТАСА

Мутно-грязное, неопределенное освещение, в котором теряются все очертания. Отовсюду доносится негромкое звериное подвывание, присвист, шопот; в звуках этих выражается не страдание, а вялость чувств, в таком, примерно, роде: „Что уж там!“ „Чего уж!“ „Что тут поделаешь!“ Тамал ощупью продвигается вперед, на каждом шагу проваливаясь в трясины.

Тамал.

Мерзость! Мука! Нечем дышать!
Путь без конца сквозь тину болотную, ил!
Выдохся, еле тащусь из последних сил.
Долго ли еще блуждать,
Этой клоакой вонючей, густою?
Хоть бы на камень ступить ногою,
На скалу! Этот тухлый свет,
Голоса...

(Кричит).

Анантас! Дай ответ!

Голоса.

Ну, нельзя ли без громких слов!
Все равно ведь, в конце концов.
Нам так мягко здесь.
Вались к нам! Лезь

В наш теплый рай
И мирно рыгай!

(Непристойно).

Эйяяйэй!

Эйяяйэй!

Тамал.

Я ожидал увидеть страшных гадов,
А встретил только пакость, нежить, прах.
Я чувствую брезгливость, а не страх!

Голоса.

Эйяяйэй!...

Тамал.

Кто вы, скажите: как вас звать?

Голоса.

Почем нам знать? Почем нам знать?

Тамал.

Мозг тает, словно от огня,
Тяжелый сон клонит меня.

(В отчаянии).

Явись, Анантас!

Голоса.

Зачем? Для чего?

Оставь в покое его!

Безразлично-назойливый гул голосов становится все неотвязнее. Тамал, чтобы не подпасть гипнозу, начинает бить вокруг себя по чем попало. Но уже чувствует, что теряет сознание и что он неминуемо станет жертвою однообразной мелодии. Тогда он бросается на колени и, собрав последние силы, произносит священное, мирообъемлющее слово.

Ом!!!

Тамал.

В тот же миг появляется Анантас (монах) на полуразрушенном троне. Он в обмызанном халате, на ногах заплатанные туфли, из которых торчат концы пальцев, на голову нахлобучена тиара. Животные неопределенного облика (крысы, ящерицы, пресмыкающиеся) кишат вокруг трона и ползают по его телу. Он закуривает трубку.

Анантас.

Я к вашим услугам, с глазу на глаз.

Тамал.

Ты Анантас!

Анантас.

Не знаю, кто я такой.
Не курится... виноват, я сейчас...
(Снова раскуривает трубку).

Тамал.

Чудовище! Дух омерзительный, злой!
Теперь ты ответишь мне! Это ты
Довел народ до последней черты.
Все то, что мне пришлось увидеть,
Мне силы дает пред тобой устоять.
На каждом шагу, во всех канавах
Груды костей и трупов кровавых.
Скажи! Как гниль твоя, тина, распад
Претворяются в гибель, в змеиный яд?

Анантас.

Все на полупути превращается в змей,
Но может и высших достичь степеней.

Тамал

(бросается на него, но в страхе отскакивает).

Фу! Сколько ящериц, крыс, червей!

Анантас.

Бороться грубой силой—безвкусье!
Здесь борьбу ведут посредством дискуссий.

Тамал.

Скажи же, как с тобою совладать?

Анантас.

Очень просто! Загадку разгадать!

Тамал.

А что, если я ее разгадаю?

Анантас.

Тогда я всю силу свою потеряю.

Тамал.

А если не разгадаю ее?

Анантас.

И тогда не плохо дело твое.
Станешь нашим, со слезью и со слюной,
Будешь как за каменной стеной,

Тамал.

Ты обманешь меня!

Анантас.

Да что ты! Нет!

Я и сам не знаю, каков ответ
На загадку. Ты мне правду откроешь,
Весь мир мой духовный перестроишь,
Меня устранишь...

Тамал.
Говори, какие
Слова загадки?

Анантас.
Ладно. Кто мы такие?

Тамал.
Кто вы? Дух в халате, рваном и грязном?
Правишь ты страной—
Лишь ступил ногой
И в трясине тут же увязнул...
Кто вы? Ваши шорохи, шопоты, стоны
Похотливы и сонны...
(Отовсюду собираются маленькие, бесформенные существа
и заводят пляску вокруг Тамала).

Вся эта нечисть и навожденье
Дает моим мыслям направление.
(Плавный танец вокруг Тамала).

Вы родились, но вам жизнь чужда,
Смерть не приходит к вам никогда,
Дрябло-бесполоый, безрадостный род,
Мстите вы всякому, кто живет,
И отравляете чувства и мысли,
Чтобы и другие, как вы, закисло!!

Голоса
(все сразу, скорбно).

Ай! Ай! Ай!
Ты нас разгадал!
Как теперь быть?
Как бы нам кожу теперь сменить!

Анантас
(трон под ним рушится).
Великолепно, сын мой! Поздравляю.
Ты победил. Смиренно отступаю.
И все-таки надеюсь я, хотя
Ты разгадал нелегкую загадку
И выявил на свет нас без остатка,
Надеюсь, несмотря на ум твой тонкий,
Восстановить престол свой из обломков:
Победой можешь наслаждаться ты,
Пока твои хотения чисты.
А так как—извини за указание—
В познании доля есть самопознания,
И лишь в моей стране все гладко, ровно,
Ты нынче же споткнешься, безусловно.
(Обращается к стонущим и пляшущим духам).
Вы, с багажем за мною вслед!
Интеллектуален слишком свет.
Придется к мерам тонким обратиться,
С чужою психикой слиться,
Перенести поверхностное зданье
Поглубже—в область подсознания!
Эй! Заберите книги, что остались!

Библиотекарь-Дух
(появляется. Глазной зонтик, козлиная бородка, визитка
серая от книжной пыли. Начиная от колен, он переходит,
в серую облачную туманность. Спрашивает, не отрывая
глаз от исполинского каталога, который держит в далеко
оставленной руке).

Монизм?

Анантас
(отрицательно качает головой).

Библиотекарь-Дух.
Маркс?

Анантас
(прибегает к приему опорожнения бронхов от слизи).

Библиотекарь-Дух
(бешено перелистывает каталог).

Анантас
(щелкнув пальцем).

Стоп! Психоанализ!

Голоса
(все сразу).

Он нас разгадал!
Ужас! Скандал!

Голоса обрываются в чудовищном зевке. Танец, и вдалеке
видение—биржа, переполненная кишащей толпою.

Тамал.
Свету!

Все исчезает в спазме неистовой зевоты.

VIII

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕД ХРАМОМ

Та же декорация, что и в шестом действии. Статуя бога
убрана. Остался широкий цоколь посредине площади. Че-
ловек из зеркала стоит, опершись на него локтем и
скрестив ноги. На этот раз на нем просторное одеяние
кричаще-желтого цвета. Волосы парика развеваются во
все стороны, рыжие на ветру.

Трое поклонников входят торопливо и крайне деловито.
У каждого в руке по чемоданчику с дорожными вещами.
Они низко склоняются перед Человеком из зеркала,
не устаивающим их ответного кивка.

Первый поклонник.

Сгорая лихорадкой нетерпенья...

Второй поклонник.

И, так сказать, на крыльях сновиденья...

Третий поклонник.

Сил не щадя—

Второй поклонник.

Расходов—

Первый поклонник.

И труда...

Все трое.

Явились мы, маэстро, к вам сюда!

Человек из зеркала.

Вы во-время пришли, не опоздали.

Третий поклонник.

Чего-чего мы только не слыхали!

Второй поклонник
(тихо).

Анантаса в пещере потревожить!

Третий поклонник
(еще тише).

Зло мировое в корне уничтожить!

Второй поклонник.
(таинственно).

И даровать спасенье всему свету!

Первый поклонник.
(громко).

Так говорят журналы и газеты!

Человек из зеркала.

Не надобно излишних слов! Довольно.
Мы победили, подвиг совершен.
Очищена Холчамбра, и привольно
Живется в ней. Тамал разрушил трон
Анантаса, владыки темных сил.
В последнее убежище, глухое,
Подземное Анантас отступил.
Вдвоем свершили мы все это. Да! Тамал—
Герой, он целый мир очаровал,
А я—я ветер знамени героя,
Победный ветер знамени его.
Да, да! Сегодня наше торжество!

Первый поклонник.

Слава Богу! Чудо снова
Входит в моду, в обиход,
И „научная основа“
От него не отстает.
Смотрим мы сквозь веры призму—
Дань нео-католицизму!

Второй поклонник
(с опереточной легкостью).

Евхаристы и томисты,
Но при этом и марксисты,
Теософы, коммунисты,
Клерикал-идеалисты,
Активисты, сверх-буддисты,
Экзотико-таоисты,
Ищем мы душевной встряски
В негритянской бурной пляске.
Смело делим наши вкусы
Меж фокстротом и Иисусом,—
И притом (по долгу касты)
Все немного педерасты...
Вот режим душевный наш—
Современности багаж.

Третий поклонник.

Соль земли, полны мы веры
В превосходство нашей эры.
В силу тайного наитья
Ожидаем мы „событья“
И готовы каждый миг
Обогнать себя самих.

Физилли

(появляется в ослепительном, разноцветном костюме. Широкие шаровары, на ногах пряжки с колокольчиками).

Человек из зеркала.

Твой блеск меня слепит! Твой аромат
И линии меня погубят, крошка!
Как вызывающе звенят
Бубенчики на этих милых ножках!

Физилли

(изображает на лице вопрос).

Человек из зеркала.

Ты про Тамала?

Физилли

(кивает головой).

Человек из зеркала

(задетый).

Народ его несет сюда
Торжественно. Его ты любишь?

Физилли.

Да!

Успех!

Издаലെка приближается варварская торжественная музыка. Человек из зеркала, поклонники и Физилли выступают на передний план. Появляется процессия. Впереди Верховный жрец с многочисленной священнической свитой, затем Тамал, несомый на щите юношами, позади пестрая толпа народа.

Верховный жрец
(подходя к Тамалу).

Мне счастье дивное досталось—
Увидеть день единственный под старость!
Я удаляюсь в сумрак вековой
Спокойно. Чудо свершено тобой.
Кто будет здесь водителем? Отвсюду
Доносятся, я слышу, голоса:
Пути Единый уготовит люду—
И это ты, герой наш и краса!
По праву ты приемлешь долг правленья.
Вот символы высокого служенья!
(Передает Тамалу золотой носох и жреческое одеяние).

(Восторженные крики).

Верховный жрец.

Теперь я вижу—власть в руках достойных,
На них почиет тайна, благодать.
Но, прежде чем я отойду спокойно,
Тамал, грехи народные загладь!
Восстанови поверженного бога,
Да чтят сго ученье свято, строго!
Вновь освяти алтарь, закон, державу,
И властвуй во смирении, во славу
Того, кто указал пути добра!

Человек из зеркала
(выскакивая вперед).

Почтеннейшая публика! Пора!
Я сбрасываю с тайны покрывало.
Кого мы ныне чествуем? Тамала?
Конечно! И ему мы только скажем:
Будь среди прочих первым персонажем,
Хранителем божественной печати

И ночью в храме спи, не на кровати?
Ему—склоняться перед богом странным,
Известным по преданиям туманным,
Чье бытие доказано одной
Лишь статуей, нелепой и смешной?
Внимайте мне! Я тайну разгадал!
(Внушительно).

Бог среди вас! И этот бог—Тамал!

Первый голос.

Он бог!

Второй голос.

Я чувствовал!

Истерические возгласы.

Страсти...

Человек из зеркала.

Святите слух, внимайте слову света:
Он бог! Я клятвой подтверждаю это!
Когда он в мир явился, метеор
Упал с небес на землю—грозный знак!
Мать вскрикнула—ночной декабрьский мрак—
И разом солнце ослепило взор,
И ночь—светлее дня, во много крат.
Народ—в смятении ужасом об'ят,

Дикие возгласы.

Свят! Свят!!

Человек из зеркала.

Но это что! Быть может, небылицы.
Вот, заключенья логики верней.

Поверит даже скептик ей
И всякий клеветник смирится.
Анантаса герой наш победил?
Теодицея! Бой нездешних сил!
Ведь брэнное пред вечностью немеет,
И бога человек не одолеет!

Верховный жрец.

Молчи, лукавец! Правда, мог
Его он чудом побороть.
Но все, что родилось, то в плоть
Облечено. Невидим бог.

Человек из зеркала
(иной ритм).

Невидим? Ну, это экзегезис,
Спорный догматический тезис,
Богословский, так сказать, подвох.
Отныне, да здравствует видимый бог!

Голоса
(в экстазе).

Тамал, наш бог!

Человек из зеркала
(Тамалу).

Ну, скажи нам, князь не от мира сего,
Ведь ты божество? ведь так?

Тамал
(в опьянении).

Божество!

Все, кроме верховного жреца, бросаются на колени и
ползают вокруг Тамала. Ликующие крики. Толпа под-
нимает Тамала на руки и ставит его на опустевший
пьедестал статуи.

Трое поклонников
(подходят к суфлерской будке).

Первый поклонник.
Дрожь берет!

Второй поклонник.
Я не даром прибыл сюда.

Третий поклонник.
Не жаль ни времени, ни труда.

Второй поклонник.
Тамал избран богом...

Первый поклонник.
И утвержден...

Третий поклонник.
Право, какой-то странный сон!

Первый поклонник.
То-то наверно теперь взгрустнется
Друзьям на премьерах, на вечерах.
Среди их знакомых с трудом найдется
Какой-нибудь виртуоз или граф!
Но в целом городе нет никого,
Кому знакомо было бы божество.
(Отходят).

Тамал
(стоит на пьедестале, высоко поднимая голову).

Верховный жрец.
Спустись! К чему высокомерный вид!
Ведь от тебя могилою разит.

Тамал.

Я здесь стою той частью существа,
В которой яростно пламенит божество!

Верховный жрец.

И эта часть ничтожна—прах и тлен,
И пламенит твой пылающий—презрен!

Тамал.

Знай, демона я одолел в бою.

Верховный жрец.

Но не того, что душу жжет твою.

Тамал.

Скажи, меня ты богом признаешь?

Верховный жрец.

Безбожник ты!

Тамал.

Так кайся!

Верховный жрец
(делает шаг по направлению к Тамалу, хватая себя за
горло и падает мертвым. Другие жрецы теснятся около
трупа, прикрыв лица. Вопли толпы).

Человек из зеркала
(склоняясь над жрецом).

Он мертв.

Голоса
(беспорядочно).

Чудо...

Он бог...

Суд божий...

Чудо...

Тамал
(в ужасе).

Я не хотел!

Человек из зеркала
(бесконечно-весело).

Нет бога, кроме Тамала,
И я пророк его!

Тамал.

О, веруйте в меня!
(Внезапно охваченный эпилептическим трансом).

Один—Единый!
Во Всем и Все!

Человек из зеркала
(окруженный записывающими репортерами, высоко-торжественно).

Радиотелеграмму в „Times“ и „New York Herald“
И на все планеты, что слухам верят:
„Виды на спасение мира отличны...
В 12—5 бог об'явился здесь самолично!“

Тамал
(с отчаянием в душе).

О, веруйте в меня!
(Один за другим все падают на колени).

Первый голос.

На трудную работу нас не ставь!
Бог! Бог! мы верим, верим!

Второй голос.

От смерти, от болезней нас избавь!
Бог! Бог! мы верим, верим.

Человек из зеркала

(подходит к пьедесталу, ведя за руку Физилли. Оба опускаются на колени).

К тебе взывает робко твой пророк:
Внемли моим молитвам, грозный бог!
Верховный жрец предстал, во славу божью,
С верховной жрицей к твоему подножью!

Трое поклонников
(на коленях).

И чтоб синклит был полон и един,
Ты посвяти нас в кардинальский чин.

Тамал
(не видит ничего и не слышит, восторженно устремив взор к небу).

Мальчики, появившиеся из храма, подносят Человеку из зеркала, Физилли и Поклонникам факелы и кадила.

Человек из зеркала.

Огонь зажжен, курится фимиам,
Так вознесем молитву к небесам!

Берет за руку Физилли, тоже помахивающую кадилицей. Музыка наигрывает негритянскую мелодию. Человек из зеркала и Физилли, не выпуская из рук кадила, пляшут неистово и непристойно. Поклонники отбивают такт на месте.

Тамал
(медленно, под музыку).

Да, я ваш бог!
Вы только сон мой—только сон...

Беременные женщины
(молитвенно).

Коснись нас, бог,
Чтоб мы без боли рожали!
Бог!.. бог!

Импотентные старцы
(молитвенно).

Коснись нас, бог,
Чтоб и мы себя показали!
Бог!.. бог!

Пляска Человека из зеркала и Физилли переходит в финальную оргию.

Внезапно музыка переливается в скорбный траурный марш. Пляска обрывается. Кадильницы со звоном падают на землю.

Справа появляется мрачно-торжественная процессия. Впереди Ядо, слуга отца, негр-гигант. За ним несколько человек в черных покрывалах несут величественный катафалк. Музыка замолкает. Процессия останавливается.

Тамал.

Все тот же сон. Сон без конца.
Ты это?

Ядо.

Я—слуга—отца.

Тамал.

А это кто в гробу лежит?

Ядо.

Отец—твой. Он—тобой—убит!

Голос.

Отец его!

Человек из зеркала
(стараясь успокоить народ).

Буквально ведь понимать не надо.
Наш юный бог не поладил с Ядо!

(Слева появляется в своем дорожном одеянии Джалифар).

Тамал.

А! Снова призрак! Нет пределов сну!
Чего ты хочешь, дух?

Джалифар.

Отдай жену!

Голос.

Бог-то соблазнитель!

Человек из зеркала
(частью к народу, частью в публику).

Супруги породы сентиментальной
Страдают ревностью повальной!

Тамал
(выпрямляясь).

Я обращаюсь к вам. Пусть тот,
Кто верит этой болтовне
И сомневается во мне,
Немедля выступит вперед!

Все.

Мы верим! Мы верим!

Тамал.

Вот! Мощь моя, в соединении с верой
Народную, превыше всякой меры!

Трубные звуки. Быстро входит Начальник тайной
полиции с отрядом. Он занимает передний план.

Начальник тайной полиции.
Кто здесь Тамал?

Голоса.

Тамал—это наш бог!

Начальник тайной полиции
(указывая на Тамала).

Что это значит?

Жрецы
(хором).

Святотатство это!

Начальник тайной полиции.
А этот мертвый?

Жрецы
(хором).

Убит Тамалом!

Начальник тайной полиции
(ударяет жезлом о землю).

Я, око власти и слуга царю,
От имени закона говорю:
Тамал! Ты в подозренье у властей,
Отцеубийца и прелюбодей.
Да ведает страна и весь народ:
Свободен будет, кто тебя убьет!
Но для того, чтоб от законной мзды
Ты не ушел, предавшийся грехам
Преступник, заматающий следы,
Тебя теперь я арестую сам!
Схватить его!

Человек из зеркала
(тихо Начальнику тайной полиции).

Хоть я пророк Тамала, но готов
Всегда служить властям, без лишних слов.

Тамал.

Народ, не верь обману, низкой лжи!
Кто победил Анантаса, скажи?

(Полицейские бросаются на Тамала. Народ тысячной толпою окружает пьедестал).

Первый юноша.

Ты победил, наш бог!

Женщина.

Мы верим!

Второй голос.

Мы защитим!

Мужские голоса.

К оружию! К оружию!

Женские голоса.

Наш бог! Еще раз—чудо!

Все.

Еще раз—чудо!

(Блеск оружия. Кое-где схватка с солдатами).

Тамал.

Триумф! Кто на меня теперь дерзнет?

Фокусник

(неожиданно появляется; змеи вытесняются в его руке).

Я!

Тамал.

Ты?

Фокусник.

Долой оружие, народ!
Что значат эти змеи на мне?

Крики ужаса.

Змеи!

Фокусник.

Это значит—Анантас опять в стране!
(Смятение в народе).

Неужто глупец победить его мог?
И пал в борьбе с сластолюбцем бог?
Он только отсрочку дал стране,
Чтоб себя позабавить, поверьте мне!
Теперь он вернулся. На этот раз
Не только змей он ведет за собой.
Нет! С ним волк идет, шакал, дикобраз
И бродячих крыс отвратительный рой!
А если не верите моим словам,
Поверьте собственным глазам!

Дикие звериные хари
(с воем и свистом врываются со всех сторон и гонятся за народом).

Яростный вопль.

Камнями его!

Тысячи яростных голосов.

Камнями!

(Слышно, как свистят в воздухе камни. Мрак окутывает сцену).

ИНТЕРМЕДИЯ В ГОРАХ

Расселина в скалистом утесе. По одну сторону расселины, наверху, появляется Тамал. Он тащит за собою упирающегося Человека из зеркала.

Тамал.

Идем!

Человек из зеркала.

Ни шагу больше!

Тамал.

Идем!

Человек из зеркала.

Оставь меня! Ведь я не причем!
И, вообще, довольно проказ!

Тамал.

Нас схватят. Ты погубишь обоих нас.

Человек из зеркала.

Не понимаю, что значит „мы оба“?
Вне подозрений моя особа.

Тамал.

Молчи, болтун! Ты тем же миром мазан,
Со мною связан,
Как друг и враг!

Человек из зеркала.

Миром помазан, с тобою связан,
Мой дорогой! Когда-то было так.

Тамал.

Что это значит, в самом деле,—
Эта глупая спесь, болтовня твоя?

Человек из зеркала.

Это значит—другие птицы запели,
Это значит—теперь свободен я!

Тамал.

Свободен?

Человек из зеркала.

Свободен, да!

Посмотри, расцвели мои щеки маем,
На них румянец горит.
Человек совершенно неузнаваем,
От него здоровьем так и разит.
А ударить по ляжкам, округло-веским,
(ударяет)

Отзовется эхо пушечным треском!
Душа моя—флаг, расшитый, нарядный!—
Но и ты, мой друг, изменился изрядно.
Полнота твоя исчезла бесследно,
Заострился нос, и лицо как бледно!
На лбу морщины, весь словно облез.
Ты играешь, как видно, à la baisse.

И мне, кто гладок стал и пластичен,
Полон жизни и сверхдионисичен,
За тобою тащиться? Нет, нет, дружок,
Очевидно, расстаться пришел нам срок.

Тамал.

Это ты говоришь, сманивший меня
Бежать из кельи?

Человек из зеркала.

Фу, размазня!

Кто перед зеркалом гримасы корчил
И сам с собой собирался покончить?
Теперь поменялись мы с тобой:
Я толстый и жирный, а ты—худой!
Умные в этом случае молчат:—
Психо-геометрический постулат!
На собственный счет я грешить собираюсь,
А потому с тобой прощаюсь!

Тамал.

О нет!

Человек из зеркала.

Невозможен ты, невменяем!

Пойми же! Я сам себе хозяин,
Сам себе, так сказать, герой.
Целый мир предо мной!
Я в какой-то горячке!
Женщины, вина, скачки,
Пикники, балы, вечеринки,
Карты, биржа, деньги и поединки!
Полной жизнью хочу я жить,
Центром, а не зрителем быть!!!
Все должны уступить мне дорогу,—
Я и сам уподоблюсь богу.

Тамал
(в ужасе).

Не уходи! Останься хоть ты со мной.

Человек из зеркала
(не обращая на него внимания).

Пока обо мне наперебой
Не заговорят все газеты столицы,
И слава имени моего
В световых рекламах не загорится,
Не успокоюсь я ни за что!

Тамал
(падая).

Ах! Эта рана в моей груди
Опять раскрылась, болит. Не уходи!

Человек из зеркала.
Какая рана?

Тамал
(со стоном).

Кровь, кровь из жил!

Человек из зеркала.
Кровь?

Тамал.

Кровь—когда я зеркало разбил!

Человек из зеркала.
А, рана! Что рана? Вздор, дружок!
Старый истерический шок.

Тамал
(теряя сознание).

Останься!

Со всех сторон надвигаются туманы, торопливо, величественно, жутко. Они заполняют все трещины и расселины, подходят все ближе и ближе.

Человек из зеркала
(кричит громко и протяжно).

Жить!!!

(Перепрыгивает через скорчившегося Тамала и быстро взбирается вверх).

Тамал
(простирая руки к нему).

Что ты... милый... куда? Не покидай!

Человек из зеркала
(высоко над ним, не оглядываясь).

Это—я прыгнул козлом. Прощай!
(Исчезает в облаках, проделывая флюоритур в итальянском вкусе).

Конец второй части.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

О К Н О

DAS FENSTER

В ШЕСТИ КАРТИНАХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Тамал.
Настоятель.
Снеговик
Сторож
Хозяин судна
Судья
Тюремщик
Монах
Отец.
Джалифар.
Амфэ.
Ядо, слуга отца.
Мать
Ребенок на костылях
Верховный жрец.
Начальник тайной полиции.
Первый поклонник.
Второй поклонник.
Третий поклонник.
Физилли, танцовщица.
Явление Мужчины.
Явление Женщины.
Человек из зеркала.
Староста нищей братии. Староста убогой братии. Первый, второй, третий, четвертый, пятый невольники-гребцы.
Человек с раскаленным железом, полицейский дозор, нищие, калеки, публика на похоронах, двадцать шесть монахов-созерцателей.

I

БЕСКОНЕЧНАЯ СНЕЖНАЯ РАВНИНА

Тамал появляется, смертельно-усталый, в оборванном платье.

Тамал.

Бежать от погони? Остановиться?
Пространство! Ни кустика, ни деревца!
Пространство?—Нами созданная темница!
Пространство, тоска—и снег без конца!
Лучше б они меня схватили,
Повесили, застрелили,
Только бы здесь не погибнуть, в снежной могиле!
(Поднимается)

Снеговик (монах)
(появляется в проломленном цилиндре и с прутом в руке).

Тамал
(заступая ему дорогу).

Спаси!

Снеговик.

Не стоит. Веды говорят,
Что погибать ты будешь много крат!

Тамал.
Я замерзаю!

Снеговик.

Мудрец сказал: мир—только представление.
Согрейся мысленно, в воображеньи!

Тамал.

Плохое утешенье!

Снеговик.

Жидковато,

Согласен,—

(стряхивает с себя снег)
снег и книжная цитата.

Тамал.

Кто ты такой?

Снеговик.

Я голый, безусловный,
Абстрактный, субстанционально—ровный.
Так ты и знай: я с чувственным в разладе,
Рифмую только компромисса ради.
Я чернобелый, краски мне, как нож,
Смирять диатонический дебош
Своим служебным долгом я считаю
И только чистый холод поощряю.
Теперь поближе к Западу хочу.
(Самодовольно)
Я кафедры в Германии ищу!

Тамал.

По математике?

Снеговик.

Могу, ничего!

Но музыка и живопись прежде всего.

Тамал

(стуча зубами от холода).

Спаси меня!

Снеговик.

Ты раздет, разут,
Так вот тебе!

(Бросает Тамалу дырявый цилиндр).

Вот еще!

(Протягивает ему прут).

Тамал.

Что? Прут?

Снеговик

(обиженно).

Прут? Нечто духовное, абсолют,
Смерть орнаментики, чистая сущность,
Экстракт миров и венец искусства...
(Исчезает таинственным образом).

Тамал

(в бешенстве бросает ему вслед прут и цилиндр).

Бррр! Кукла!

(После некоторого молчания).

Когда со мною жил Он, дни мои
В весельи проходили, в забытьи!
Он был, как солнце, сердцу моему,
С ним забывал я, „как“ и „почему“!
В чаду каком-то месяцы неслись,
Я был, как вихрь. А что теперь я? Слизь
На дне бутылки, грязной и дрянной,
Вода в горшке кокотки отставной,
Ничтожество из тряпок и заплат,
На виселицу верный кандидат,
Хлам, паутиной затканый в углу,

Сор, искорка, зарытая в золу!
И вечный страх, что схватят беглеца,
Дрожь, голод, снег, пустыня без конца!

(Страстно).

Приди, мой брат, мой ангел, мой пророк,
Приди, спаси! Еще не минул срок.

(Слышится звон бубенчиков и топот копыт).

Я слышу шпоры... всадники гарцуют...
Они меня открыли—арестуют!

(Тройка, запряженная в сани, со звоном и грохотом останавливается вплотную около Тамала. Ею правит Человек из зеркала. В санях, укутанные в меха, сидят трое Поклонников и Физилли. Достоинно внимания, что Поклонники сменили свои литературские роговые очки на монокли).

Тамал

(на коленях).

О провиденье! Слезы! Как во сне!
Ты это, дорогой? Вернись ко мне!

Человек из зеркала
(хлопая бичом).

О чем ты, скот оборванный, скулишь?
Запомни: ты с маркизом говоришь!

Тамал.

Ударь меня! Я заслужил! Сейчас!..
Благословенный день! Меня ты спас.

Человек из зеркала.

С дороги прочь!

Тамал.

О свет! О солнце дня!

Человек из зеркала.

Дорогу!

Тамал.

Ты не узнаешь меня?

Человек из зеркала
(к сидящим в санях)

Карамба! Это что за ерунда?
Холчамбрский бог! Недурно, господа!

Первый поклонник.

Истерик, опустившийся на дно!

Второй поклонник.

Я думал, что повешен ты давно.

Первый поклонник.

Комедию искусно разыграл
И, кажется, теперь толстовцем стал.

Второй поклонник.

Прекраснодушно-коммунальный хлев
Уже давно—пустой, безвкусный блефф.

Третий поклонник.

Сноб истинный не смотрит на Восток,
И нынче „примитивность“—злой порок.

Второй поклонник.

Кто радикален, в корень кто глядит,—
Правеет и о расе говорит!
Заметь!

Тамал.

Толпа меня боготворила,
И вот теперь глумится надо мной!

Человек из зеркала.

Ты не в своей тарелке, дорогой.
(К спутникам).

Уж эти мне вчерашние светила!
(Тамалу).

Дорогу!

Тамал.

Я тебя не отпущу!

Человек из зеркала
(помахивая бичом).

Скот! Я тебя вот этим угощу!

Тамал.

Останься!

Человек из зеркала
(хлопая бичом).

Слушай, я ведь зол!

Тамал

(вне себя).

Я еду с вами!

Человек из зеркала.

Ты с ума сошел!
(Мирным тоном).

Ведь я не зверь. Будь другие дни,
Я бы взял того, кто продрог и устал.
Но сегодня как раз дворянский бал,

И мы во всем наряде, взгляни.
Бал политический, так сказать,
Нынче решится, чего мне ждать.
Высочайшее сердце даст ответ,
Быть мне принцем-регентом или нет.
Так в сторону!

Тамал.

Не отступлю ни на шаг!

Человек из зеркала.

Извините, тогда я проеду так.

(Перезезжает через него).

Тамал

(поднимаясь).

Стой! Держи! Ах! Поздно! Скрылись во мгле
(Садится в отчаянии).

Пустыня кругом! Пустыня во мне:
(Падает снег).

Порхают хлопья, липнут тяжело.

Откуда свет внезапный и тепло?

Или душа не вовсе сожжена?

Восторг, преображение, весна!

Тебя я слышу, снег, тебе внемлю:

Ты шепчешь мне, что я Амфэ люблю!

(Снег падает густыми хлопьями).

Закон противоречия, ты прав!

Была моей—я не любил ее,

И лишь теперь, все в жизни потеряв,

Увидел в ней все счастье мое.

Мы бога зрим во прахе и в пыли;

Лишь обнищав, приходим мы к любви.

Но, ах! такая поздняя любовь

Раскаянье влечет лишь, вновь и вновь.

(Встает, шатаясь).

О, как растет любовь!.. Скорее в путь;
Вернуть ее—ребенка с ней вернуть!
Любить! Туда, где мир, где мир навек!

(Беспросветная метель).

Нет, не могу! Все снег, все снег, все снег!

(Ложится в снег).

Конец! Готов я, Боже! Сладкий сон!..

А, музыка со всех сторон,—

Концерт, таинственно-нездешний бал,

Где смерть—чудесней бытия:

Оркестр... басы... и пенье...

Ядо

(появляется неожиданно; в руке исполинская палка).

Вот и я!

Тамал.

Ты, Ядо!.. Сон, как в детстве... Кто прислал
Тебя сюда?

Ядо.

Он.

Тамал..

Жив??!

Ядо.

Все живо.

Тамал

(как во сне).

Я не знал!

Он сердится?

Ядо.

Любит! Он—в крови—твоей!

Тамал.

Чего ты хочешь?

Ядо.

„Поскорей“,

Он говорит—„найди его,

Мороз,—он—глупый,—снеси—туда,—где тепло!“

Тамал.

Ему за гробом сын преступный мил.

Ядо.

Так—вот—что—господин—мне—поручил.

Тамал.

Меня носил ты в детстве... много раз...

Ядо

(став на колени).

Гоп!—живо—полезай—сейчас!

Тамал

(садится ему на плечи).

Ты рад нести?

Ядо.

Я—должен,—я—слуга!!

(Несет Тамала сквозь метель. Пост басом, отрывисто).

Старый—малого—нес—через—луга...

Звали—его,—звали—его...

(За метелью больше ничего не слышно).

II

КЛАДБИЩЕ

Дорожка от авансцены вглубь. С обеих ее сторон над гробные памятники. В некотором отдалении свежевырытая могила. Справа и слева сцена ограничена полуобвалившейся каменной оградой. Справа у ограды нищие, слева прокаженные и убогие. Тамал появляется справа.

Староста нищей братии.

Нам не нужно выскочек, брат.
Нищенский мандат
Не добывается в один прием,
Ремесло изучается день за днем.
Здесь каждое местечко на счету,
Честно заработано, в поту,
По выслуге, по табели, строго.
Проваливай! Скатертью дорога!

Нищие
(смеются).

Тамал.

Да я не нищий...

Староста нищей братии
(насмешливо).

Видно, что богат...
(К другим).

А! На штатную должность кандидат!

Тамал

(уходит влево).

Староста убогой братии.

Нечего шпионить и шататься!
Ты, брат, не успел организоваться.
Наглость! Все четыре ноги у человека—
У меня—ни одной. Вот я так калека!
Все четыре?! И туда же, на показ!
Вороти!

Тамал

(идет вдоль по аллее).

Староста убогой братии.

А! Голодающий средний класс!

(Убогие и прокаженные смеются и бьют в трешетки).

Тамал

(садится на могилу. Сторож (монах) подходит и дотрогивается до него палкой).

Сторож.

Запрещено тревожить мертвых.
Вставай скорее!

Тамал.

(Травят беглеца!)

Сторож.

И выбрал же могилу! Вот так отдых!

Тамал.

Мне дела нет до мертвеца!

Сторож.

Чего ты здесь слоняешься без цели?
Подальше бы держался, в самом деле!
Сегодня к нам пожалует сюда
Наш добрый принц. Не любит он, когда
Встречается с богемою столичной.
Он говорит: „Кто хочет быть приличным,
Будь на чеку и не роняй niveau“.
Пожалуйста, подальше от него.

(Удаляется).

Амфэ идет по средней дорожке. На ней просторное траурное платье, в руке букет белых роз.

Тамал

(потупив взор, с дрожью).

Амфэ! Амфэ! Теперь все хорошо.

Амфэ

(холодно).

Что хорошо?

Тамал.

Я оживаю, на душе легко.

Вдвоем с тобой опять!

Ты!

(Хочет взять ее за руку; она отдергивает руку).

Не простила мне?

Амфэ.

Мне нечего прощать.

Тамал.

Да, я причинил тебе много зла,
Но сжег и себя, и себя — до тла.

Лишь теперь, в несчастной судьбе,
Могу я тебя оценить.

И я возвращаюсь к тебе,

Огнем очищен. Хранить

Тебя я буду... Ты так тиха...

Амфэ

(молчит).

Тамал.

Поверь, нет такого греха,

На который бы я для тебя не пошел.

Бежим! Ты за мною вслед!

Молчишь? Меня ты больше не любишь?

Амфэ.

Нет.

Тамал.

Буду ждать, чтоб ты меня простила.

А ребенок наш...

Амфэ.

Вот его могила.

Тамал.

Боже!

Амфэ.

Когда тебя покинула я (да,
Покинула!), казалось, навсегда

Все кончено. Но вместе с тем жила

Во мне надежда, сладостней любви,

Биение чудесное в крови —

Ребенок! И когда я родила,

Увидела знакомые черты

И взор, в котором отразился ты,
Его отец, то обрела я вновь
Забвение, блаженство, мир, любовь.
Но вот!.. Проходят месяцы, не боле...
(Почти шепотом).

Ребенок слаб и хром, в зародыше уж болен.
Врачи бессильны. Годы мчатся! Ах!..
Ребенок твой, Тамал, на костылях.
Он умер... Ужас... Я... я в этот час
Возненавидела обоих нас.

Тамал.

О, как терзаюсь сердцем я!

Амфэ.

Давно прошла уж ненависть моя.
Но верь, она, как и любовь, питалась
Не мелочными чувствами, Тамал,
Не тем, что я покинутой осталась,
А тем, что ты союз наш основал
На низменном фундаменте, на шатком —
На лжи и на внушении страстей.
Вот почему я плакала украдкой
И проклинала мир в тиши ночей.
Ложь в том, что не любил ты никогда,
Тебе была победа только лестна,
Отнять меня от мужа интересно!
А страсть — все та же, что всегда —
Страсть зверя к зверю — то, что столь обычно,
И вместе с тем безобразно, безлично!
Знай, женщины ты никогда не чтил,
Не чтил ты лона божеских чудес,
Отвергнул указание небес,
Ребенка и меня ты погубил.

Тамал
(тихо).

За что Он сына моего обрек?

Амфэ.

За то, что семенем своим ты пренебрег!

Тамал.

Искал я только страсти и забав.
Я вижу, что я был неправ.
Люблю тебя! Пойдем! Для жизни новой!
Родится сын у нас красивый и здоровый!
Забудь о прежнем! Будет жизнь полна...
(Подходит к ней ближе).

Амфэ

(отстраняясь от Тамала и осыпая цветами могилу).

Не подходи! Ребенку я верна!

Тамал.

Не покидай! Ты видишь, я томлюсь,
Издалека к тебе пришел!
Не покидай, ведь мы жена и муж.

Амфэ

(спокойно).

Я ненавижу пол.

(Уходит).

Тамал издает глухой стон и бьет себя по лицу. Потом
начинает прислушиваться и прячется за дерево.

Тем временем в глубине сцены, возле могилы, собралось
уже общество. В числе прочих Физилли в глубоком
трауре и трое поклонников.

Нищие и калеки
(толкаясь, крича, размахивая руками).

Наш принц! Всемиловитейший принц!
Человек из зеркала появляется на трибуне, выходясь над публикой. Одет пестро, как карточный король. На его рыжих, взлохмаченных волосах великолепнейшая корона с зубцами.

Голоса.

Тсс! Молчание! Всемиловитейший принц!
Физилли.
(сморкается и плачет, усиленно обращая на себя внимание).

Голоса.

Вдова! Вдова-то!
Бедная!
Тсс!

Человек из зеркала.

Почтеннейшая община! Ко мне,
Как к первому лицу во всей стране,
(Пока прошу не плакать) притекли
Смиранные моления всей земли
Произнести торжественное слово
Над кончившим путь странствия земного.
(Опять ногою шаркают?!). — Так вот!
Согласен я, раз хочет мой народ!
(Погребальным тоном).

О Джалифар, тебя я высшим чином
И орденскою лентой награжу,
Когда открыто про тебя скажу:
Ты был вполне почтенным гражданином.

Ты был, пожалуй, больше чем почтен:
Ты был, что называется, джентльмэн!
(Кривляясь).

Хотя в умерших разбираться странно,
Но как смолчать мне о твоих из'янах?
Я знал тебя, любезный, на зубок,
Ведь ты был обожателем, дружок;
Когда тебя на лошадиный корпус
Какой-нибудь соперник обгонял,
То ты ему немедленно уступал
Дорогу, добродушнейший оболтус,
И после, сам не зная почему,
Всю жизнь слугой усердным был ему.
Не так уж обожание приятно —
Наедает быстро, безвозвратно.
И над тобой судьба свой перст простёрла:
Ты скоро стал друзьям поперек горла:
Зря голову ломал ты, что и как.
Причина в том, что скучен ты, чудак!
Одна в тебе лишь искорка пылала:
Порядочность, а в этом толку мало.
Но все же ты по существу почтен,
Достойный гражданин и джентльмэн!

Таким путем ты прожил, как никак,
Не жалуясь на скудость здешних благ.
И правильно! Когда б ты наслаждался
Душевным миром, чем бы отличался
Ты от того, кто давит на стене
Мух и покою не дает жене?
Тем, что тебя снедал души недуг,
Ты выиграл в социальном смысле, друг.
Тебя уж то одно вознаградило,
Что речь держу я на твоей могиле.

Тамал
(выходит).

Вновь жертва! И над нею он глумится.
(Исчезает).

Трое поклонников
(на цыпочках подходят к авансцене).

Человек из зеркала
(продолжает).

Да, это так, ты дерзко был обманут
Мальчишкой (он и другом был притом).
Одним из тех новейших шарлатанов,
Что в детстве покидают отчий дом,
Чтобы потом скитаться в край из края,
К работе отвращение скрывая.
И вот, тебя мальчишка и нахал
Лишил жены (ущерб, признаться, мал).
Ты по ночам, свои скрывая мысли,
Подушки орошал, во всяком смысле.
Ряд долгих лет тебя точили муки,—
Они поныне не прошли,—
Но все же ты утешился в разлуке
С прелестной нашей Физилли.
(Речь становится невнятной).

Трое поклонников
(в униссон кланяясь).

Это повод к неправильным толкованьям.
Заметьте, дама, что о муже скорбит
И нас не оставила своим вниманьем.

Физилли
(сморкается и плачет громко).

Человек из зеркала
(продолжает).

Хоть брак ваш длился только три недели,
Надеюсь, не она виной
Тому, что быстро дни твои сгорели.
Вдова ходила пылко за тобой.
Мы выражаем ей свое участие,
Простуженной, слезоточащей.

Физилли
(разражается, рыдая, целой мелодией).

Человек из зеркала.

Хоть ей идет не первая весна,
Но всетаки наследница она.
Ты, Джалифар...
(Речь становится невнятной).

Тамал
(выходя).

Я сам его убил, и в этот миг
Над ним еще глумится мой двойник.
(Сжав кулаки).

Собака! ты...

Человек из зеркала
(заканчивая речь громогласно).

Он всетаки почтен,
Не только человек, но и джентльмэн!

Сторож
(становится позади Тамала).

Тамал
(целясь из пистолета в Человека из зеркала).
Мечь! Ненависть кипит в груди!

Сторож

(выбивает пистолет из его рук).

Нет! Слишком рано, подожди!

Трое поклонников

(кричат).

Покушение! Покушение! Покушение!

Вопли.

Покушение! Покушение!

Сторож.

Беги!

Тамал

(убегает).

Все

(обступив Человека из зеркала).

Благословенье на тебе!

Тебе защитой небеса.

Человек из зеркала

(проходит, озираясь по сторонам и шатаясь, к авансцене).

Всегда так, если саном пренебречь

Священным и держать к народу речь!

III

ГАВАНЬ

Грубо вымощенная набережная, у которой стоит на причалах галера с высокими бортами. Справа бревенчатый сруб, и в двери видно, как пылает кузнечный горн. По левую сторону выстроены в один ряд гребцы-невольники. Белые и цветные, все с обнаженными туловищами. Некоторые дрожат от боли; плечи их прикрыты. Последним с краю Тамал. Хозяин судна (монах) прохаживается перед фронтом гребцов.

Хозяин судна..

На всех людей наложено клеймо?

Человек с раскаленным железом
(выходит из сруба).

Бормотание в строю.

Вот этот! С белой шкурой! Этот! Вот!

Хозяин судна

(развертывая свиток).

Иошод!

Тамал

(нерешительно).

Здесь!

Хозяин судна.

Трус! *Avanti!* Ну? Вперед!

(Смех).

Первый гребец.

Он держится по барски, в стороне!

Второй гребец.

Постой! Тебя посолим мы к весне!

Третий гребец.

Я размочу сухарь...

Четвертый гребец.

Но не в вине!

Тамал.

Я вовсе не хочу быть выше вас!

Пятый гребец.

Простите, граф, не гневайтесь на нас!

(Смех).

Хозяин судна

(садится за столик и наклоняется над списком).

Да, ты революционером был, голубчик,
Отделаться хотел от белоручек,
Мечтал освободить пролетариат—
Фонариков и прочих шелопаев,
За грешников скорбел, за негодяев,
За вшивых, рахитических ребят.
Сознательно ли сострадал ты миру,
Иль, может быть, бесился только с жиру?
Мы сделаем сейчас, любезный, пробу

И заклеим твою особу.

Ты перспективу переменишь

И ситуацию оценишь,

Упав в болото с высоты.

Что ж! Не в избытке будешь ты,

Когда играть словами перестанешь

И сам объектом сострадания станешь.

Так будь же им! Иди!

Тамал

(идет к срубам).

Человек с раскаленным железом

(встречает его и уводит).

Хозяин судна

(надсмотрщикам).

Вы! Не спускайте глаз!

В его глазах огонь сверкнул сейчас—

Безумия.

(Гребцам).

Эй! Экипаж!

На палубу! За весла! Живо, марш!

К нам пассажир придет первый сорт,

Новейший Крез, персона, так сказать,

Рокфеллеру и Ротшильду подстать.

Как только сядет, едем. Все на борт!

Гребцы

(уходят).

Тамал

(появляется, смертельно-бледный).

Хозяин судна.

Чорт! Тысяча ветров и нордпассат!

Ты мужественно переносишь боль.

Ты что-то хочешь мне сказать? Изволь.

Тамал
(почти улыбаясь).

Хочу сказать, что легче самый ад.
(Уходит).

Появляется Человек из зеркала. Он раздобыл и одет с бессмысленной роскошью. За ним крохотный грум тащит ручной багаж, в огромном количестве.

Человек из зеркала
(отдуваясь).

Ну, вот и я! Приехал к вам! Найди
Скорей мне камердинера, хозяин!
Мальчишка этот слишком уж отчаян,
В обиду не дается.

(Груму).
Уходи!

Грум.
(от радости перевертывается в воздухе и убегает).

Хозяин судна.

Быть может, Ваша Светлость пожелает,
Пока мы здесь еще, на берегу,
Найти себе по выбору слугу
Среди гребцов-невольников?

Человек из зеркала.
All right!

Пусть негодяи соберутся!

Хозяин судна
(пронзительно свистит).

Гребцы и Тамал
(появляются и снова становятся в ряд).

Хозяин судна.

Вы, свиньи, чортов экипаж,
Вот этот гость высокий наш
Возьмет себе кого-нибудь в рабы
Из вашей пакостной толпы,
Чтоб тот служил ему подобострастно
И умереть готов был ежечасно.
Раб должен быть сговорчив, мягче воску,
Не то узнает он девятихвостку.
(К Человеку из зеркала).

Покорнейше прошу! Готово!
Пусть Ваша Светлость выберет любого.

Человек из зеркала
(на переднем плане).

Не слишком я подвижен,—вот беда.
Я укажу, а ты тащи сюда.
Не этот... и не этот...

(Указывая на Тамала)
Этот вот!

Хозяин судна.

Иошод!

(Толкает Тамала вперед).

Человек из зеркала.

Как видно, образованный парнишка.
Надеть очки—совсем науковед.
Порода эта мне знакома слишком.
Так вот! За мной ты едешь вслед,
Моим слугой. Ты понимаешь?

Тамал.

Нет.

Человек из зеркала.
Что? Нет?

Тамал.
Тебе не буду я слугой!

Человек из зеркала
(обмахиваясь веером).
Вот как беседуют со мной!
С первейшим богачом!

Хозяин судна
(в отчаянии).

Он помешался!

Тамал
(глядя в глаза Человеку из зеркала, шопотом, резко).
Гы от моих услуг ведь отказался!

Человек из зеркала
(так же).
Гра-та-та-та! Не ты ли виноват?
(Громко)

Хозяин! Видишь, как величье чтят?!
Иное время, ах, иные нравы!

Хозяин судна
(угодливо).
Мы с ним немедля учиним расправу.
Надсмотрщик!

Человек из зеркала
(удерживая его, с некоторою нервною).

Ну, ну, ну! Пустяк!
Мы сговоримся, как никак.
Ты будешь мне слугою, едем вместе,
А вот в залог цехины! Ровно двести.
(Дает ему кошелек, который Тамал тут же швыряет на
землю).

Тамал.
Хозяин, должен я, скажи,
Все исполнять беспрекословно?

Хозяин судна.
Ты должен. Таково условие.

Тамал.
Не верю я! Бумагу покажи!

Хозяин судна
(развертывает свиток).
Вот видишь—должен. Сам же ты нанялся
И подписью своею обязался.
Basta!

Тамал
(схватывает контракт и разрывает его).
Что это?

Хозяин судна.
Разбой!

Гребцы-невольники.

Разбой!

Тамал.

Кто нас рассудит?

Хозяин судна.
Суд морской!

Тамал.
Веди меня!

Человек из зеркала
(беспокойно).

Оставь, прошу,
Скандалов я не выношу.
(Барабаны).

Хозяин судна.

Да вот, полиция идет!

В глубине сцены появляется полицейский дозор. Впереди Начальник тайной полиции. Хозяин судна рапортует. Тамал и Человек из зеркала у рампы.

Человек из зеркала.

Ты с ума сошел?

Тамал.

Образумился только теперь.

Человек из зеркала.

Отдаешься в неволю?

Тамал.

Освобождаю себя.

Человек из зеркала.

Что ты задумал?

Тамал.

Имя свое
Суду я открою.

Человек из зеркала

Этого не сделаешь ты!

Тамал.

Признаюсь! И смерть!

Человек из зеркала.

Нет!

Тамал.

Ни бегства больше,
Ни погони, ни страха!

Человек из зеркала.

Ах!

Тамал

(насмешливо).

Свободный человек, здоровый,
Реальный—десятипудовый,
О чем ты грустишь?

Человек из зеркала
(деловито).

Предлагаю сто тысяч,
Бежим?

Тамал.

Нет!

Человек из зеркала.

Пополам?!

Тамал.

Нет!

Человек из зеркала.

Все!!

Тамал.

Нет!

Человек из зеркала
(хрипло).

Я буду вновь рабом! Даю обет!

Тамал.

Нет, нет и нет!!

Человек из зеркала.

Я на колени падаю.

(Это ему не удастся).

Начальник тайной полиции

(подходит с хозяином судна).

Итак, в порядке все?

Тамал.

На пару слов!

Человек из зеркала.

Молчи!

Тамал.

Начальник!

Человек из зеркала.

Как он бестолков!

(Кричит гребцам).

Убрать его!

Гребцы

(хотят схватить Тамала).

Начальник полиции.

Что он кричит?

Тамал

(вырывается).

Назад! Прочь! Слово мне принадлежит!

Человек из зеркала

(обливаясь потом).

Пропали оба!

Тамал.

Верьте мне!

Тот негодяй, которого в стране
Разыскивают, гонят, травят, ждут,
За голову которого дают
Награду, он доступен вам вполне.
Под именем чужим я проживал.
Я не Иошод. Берите—я Тамал!

Все

(в величайшем возбуждении).

Это Тамал!

Человек из зеркала.

Кончено!

Начальник полиции.

Хорошая находка! Заковать!

Тамала уведат. Начальник полиции следует за
эскадроном. Гребцы расходятся.

Человек из зеркала

на глазах у публики начинает с'еживаться и возвращается
к своей первоначальной худобе. Костюм висит на нем
мешком, жалостно, как лопнувшая пневматическая шина.
Высокая заостренная шляпа скатывается на пол, оставляя
открытыми взлохмаченные волосы.

Под платьем пусто, пуст враждебный мир,
В карманах тоже пустота. Хоть плачь!

Хозяин судна.

Твоя игра проиграна, богач,
Вернись домой, ты нам не пассажир.

(Уходит).

Из самого богатого человека на свете я превратился в нищего, в оборванца, в ничто. Снова тощий и дряблый, как отставная цирковая кляча. Ах, этот идиот! Приходится подумать, чем существовать дальше!

(Подходит ближе к публике).

Я вижу, вы тоже беспокоитесь относительно моей дальнейшей участи. Вам не хочется остаться без меня, я чувствую. — Ведь не чистая совесть, а я — источник спокойствия, я — средоточие ваших симпатий, всех вас любящий кровный родственник.

И потом, чем был бы мир без меня?

Я спрашиваю, было ли бы без меня вообще что-нибудь?

Начиная с Гомера, включая Шекспира и кончая дадаистами, сочинил ли без меня что-нибудь хоть один поэт? (Не говоря уже о других профессиях.) Я тот, кто побуждает людей браться за дело, оживлять жизнь, придумывать те благословенные, всемирно-известные трюки, при помощи которых нынешние берут верх над вчерашними и так далее, до скончания веков. О, в течение жизни своей я наблюдал физиономии мудрецов, святых и поэтов, в то время, как они придумывали эти трюки; ну, и физиономии!.. После этого я вправе, к сожалению, удостоверить (на премьере вставить тот или другой намек), что права, в конце концов, только самая злая критика.

*) В прозаическом тексте актер вправе импровизировать и делать намеки на действительные события.

Теперь наскоро несколько примеров: вот, святая — ну, святая Екатерина, например, — постоянно носила карманное зеркальце в складках своей покаянной власяницы и каждый вечер смотрелась в него, не появились ли вокруг головы ее первые лучи священного сияния! Далее, немало тешился я, наблюдая поэтов и композиторов (не называю их имен из чувства товарищества!), которые до тех пор кромсали и извращали какую-нибудь простую фразу, с трудом высосанную из пальцев, пока в голове у них не мутилось, ибо с давних времен извращенность является тем средством, при помощи которого мне приходится обслуживать самых что ни на есть трезвых симулянтов жизни.

Что же касается до мировых мудрецов, то я знаком с неким великим современником, державшим, с подкрашенными губами, речь на могиле своего лучшего друга; закончив ее и повернувшись к публике, он спросил — и не одного меня только — „Ну, как я говорил?“ — Заметьте, у меня не только то преимущество, что я — движущее начало всяческой культуры; много приятнее во мне то, что в моем присутствии можно дойти до... так далеко зайти... ну, об этом ни слова больше. И потом! Известно вам, что я необходимейшая часть вас самих? Если бы я покинул вас хоть на одну тысячную долю секунды, вы обречены были бы на неминуемую гибель от сознания своего одиночества, ибо, хоть вы и противопоставляете мне ваших жен, ваши семьи, ваших единомышленников, сослуживцев и собутыльников, все же со мной и только со мной общаетесь вы по существу. Поверьте, сердце мое

трепещет от гордости и страха, когда я вспоминаю о своих многочисленных обязанностях общественного свойства по отношению к людям, с глазу на глаз.

Ах, несчастье в том, что со мною не умеют обходиться как следует.

(С неподдельным жаром).

Если бы здесь среди вас нашелся человек, — но только такой человек, который пожелал бы пойти со мною на компромисс по мужски, — клянусь вам, в три месяца мы бы с ним овладели дряхлой землей и обновили ее!

(Подсказывает к суфлерской будке и разглядывает публику в лорнет).

Но так как я вижу сплошь физиономии а ля Тамал, то приходится мне ободрить вас и себя тем, что..., а впрочем... (пожалуйста, г-н капельмейстер!...) впрочем...

Не бойтесь, я с вами,

Друзья, не расстанусь,

Личинкою в куколке вашей останусь!

(Во время музыкальной ритурнели Человек из зеркала переходит на другую сторону сцены).

Чем же заняться мне в ближайшие дни? Стоп! Я пойду в пророки, разумеется, в величайшие пророки! Первым делом я осную... газету и назову ее: Светоч? Нет! Огарок? Нет! Факел? Да. — Ага! Все светила мировой литературы зажаты у меня в кулаке! Люди решат, что гений Гете и Шекспира воплотился в подпольном провинциальном адвокатишке. Городскую сплетню я возведу на степень космического события, а космическое событие низведу до уровня городской сплетни. Я буду так долго жонглировать пафосом

и зубоскальством, что всякий, решивший по первой строчке, что я только забавный сплетник и клеветник, должен будет, прочитав вторую, признать, что я все-таки воплощенный Исайя. Прежде всего, однако, я выступлю на подмостках своего апокалипсического кабаре; я ведь искусный комедиант, и именно по этому признаку можно узнать меня, не говоря уже о моей способности имитировать чужой голос. Мой, к сожалению, слишком зависимый характер обладает также талантом акустического зеркала.

Короче говоря, так как я могу смотреть только из глаз человека, но не в глаза ему, мне остается смотреть на него сзади, в порядке ли мораль его с этого конца.

Итак, не бойтесь. Я не погибну, и если быть сегодня несчастьем... (господин капельмейстер!)...

Не бойтесь, я с вами,

Друзья, не расстанусь,

Личинкою в куколке вашей останусь!

(Приплясывая, уходит).

IV

СУД

Темное сводчатое помещение, задний план которого теряется во мраке. Справа высокое сидалище для судьи, поднятое над полом на две ступени, перед ним барьер. Над сидалищем род неугасимого светильника, освещающего Судью (монаха). На Судье высокий своеобразный головной убор, в руках свиток. На переднем плане низкий столик, и на нем чернильный прибор сказочной величины. Перед столиком несколько подушек, около которых на особом возвышении гонг с молотком. Перед барьером Тамал.

Судья.

Ты пред своим судьей стоишь теперь,
Но, милый обвиняемый, поверь,
Такой как я, немолодой судья,
Познавший передряги бытия,
В житейских искусившийся делах,
Нередко с правосудьем на ножах.
Каких-каких я только не видал
Убийств во имя права—и притом
Не я один—любой о них читал
В газетах, кто с газетами знаком.
Во-первых, преступления состав...
Им дорожит почтенный этот цех.
Когда, улики точно подобрал

И вывод из противоречий всех,
По внешним данным судьи, как всегда,
Бесспорную картину создадут,
Мы утверждаем: справедливый суд.
Но в том-то и проклятие суда,
Что в бесконечном множестве грехов,
Событий, преступлений, обстоятельств,
Все случаи различны, каждый нов
И требует особых доказательств.
А между тем, что нужно судьям нашим?
Чтоб случай был расписан и раскрышен.
Сомненья разрешают психиатры—
Паяцы в юридическом театре.
Но то, что невесомо, несказанно,
Неуловимо-смутно и туманно,
Внушение божье, тонкий аромат,
Воздушный жест, полураскрытый взгляд,
Чудесный полусвет и полутон—
Все это заслонил от нас закон.
И вот, по чистой совести мы судим
(Поскольку нам доступно, слабым людям,
В сознании высокого служенья,
Забуть про жажду, сон, пищеваренье).
Короче, наш убогий суд казнит
Лишь тех, кто виноват в убийстве, краже,—
А то, что человек грешит
Одним неосторожным словом даже
Поболее, чем сотней темных дел—
Вот этого понять он не сумел.
Поэт какой угодно вдохновенный
Не разберет пружин чужой души,
Не в силах правду отличить от лжи,
Так что уж я,—судья обыкновенный!
Итак, чтоб избежать судебных пут,

Введем усовершенствованный суд
Изменим в корне судопроизводство.
И придадим процессу благородство.
Раз людям вовсе недоступно знание
Того, что кроется в чужой груди,
То ты себя в открытом заседании
По собственному праву сам суди!
Вот это — знак того, что ты судья.
(Передает Тамалу головной убор и свиток, сходит с сцены, на которое тут же садится Тамал, а сам усаживается на подушках перед столиком).

Судья.

Нас ждут. За протокол усажусь я!
(Обмакивает гигантское перо в чернила и ударяет в гонг).
Три первые свидетеля — сюда!

Из мрака, окутывавшего глубину сцены, появляются озраченные призрачным светом тени. Отец, в торжественном патрицианском одеянии, ведет под руку представительную, еще не старую женщину. На почтительном расстоянии следует Ядо.

Отец

(проходит вместе с другими вперед и говорит, не глядя на Тамала).

О ты, кто судишь сына моего!
Всю истину открою я
От имени семьи и своего.
И не сурова будет речь моя,
Хоть тяжко, отвратительно то зло,
Что ночью в гроб меня свело.
Но то, что он свершил во мгле ночной,
Заключено в природе мировой.
В неистовом порыве, в ослепленьи
Такое же свершил я преступленье
Над тем, кто был передо мной, а тот

Свершил над предыдущим, в свой черед.
Кинь взор назад, на наше поколение —
В них связаны подъем и разрушение.
Но если сын мой нежность изольет
На своего ребенка, для того,
Чтоб смыть позор поступка своего
И от вины очистить весь наш род,
То ради жизни новой и прекрасной
Ему простится грех его ужасный.

Три тени исчезают.

Судья

(затисывая).

Ребенка... — Новой жизни... — Простится... — Черным
По белому!

(Гон).

Свидетель номер четвертый!

Верховный жрец

(подходит, освещенный прозрачным светом. У него под мышкой кукла; говорит, не глядя на Тамала).

Я бога своего любил! А он
Уселся сам взамен него на трон.
Потом сразил меня молнией из глаз.
Кто прав из нас?
Может быть, он? И боги не вечны,
И нам хоронить их, в тоске сердечной?
Пусть он будет богом! У меня с собой
Моя куколка, бог любимый мой!
И если вы верите в нового бога,
Что ж, не стану судить вас строго.
А если он и счастье даст народу,
Я в могиле подвинусь, ему в угоду.
Если он счел нужным меня устранить,
Я готов ему маленький грех простить.
У меня, ведь, свой, милый бог...

(Исчезает).

Судья
(записывает).

Счастье... народу...

(Смотрит на Тамала).

Из глаз-то вода!
(Гонг).

Свидетель номер пять, сюда!

Джалифар
(так же, как прежде).

Бессильный сам—как обожал я силу,—
Как обожал я плодородье—хилый!
Но он и плодородье воплотил
И силу; он, как бог, как солнце был,
Он покорял меня одним лишь словом,
Я сам с ним становился сильным, новым!
Как часто он со мною был жесток!
Но, даже убивая, был как бог!
И если он низвел меня в могилу,
Я от него воспринял в жизни силу.
Я—от него! Лишь появлялся он,
Исход борьбы заране был решен.
Ах, почему не я такою мощью,
Таким волшебным счастьем обладал?
Я б осторожность соблюдал,
Я был бы—Боже!—был бы мягче, проще...

(Грустно).

Увы, различны люди меж собой.

(Исчезает).

Судья.

Не слишком-то!

(Гонг).

Свидетель номер шестой.

Амфэ
(появляется и говорит, как предыдущие).

Молчите! Ведь вам он незнаком,
Только я храню память о нем.
Как уголки рта он опускает
В складку, совсем по-детски,
Как из-под полураскрытых ресниц сверкает
Взор, такой гордый, дерзкий!
И мальчик был точь в точь как он.
(В порыве ненависти).

Только я до конца его знаю.
Он был отъявленным негодяем.
(С нежностью в голосе).

Когда на могиле сына с ним
Я говорила тоном сухим,
Мне хотелось только, чтоб он в этот миг
Всю боль и гордость мою постиг.
Увы! Его отвергла я,
Указала ему на дверь,
А теперь,—теперь—
Я люблю! Я люблю его, судья!
(Исчезает).

Тамал
(вскакивает порывисто за нею вслед, но тут же овладевает собою).

Судья.

Так. Протокол готов. Совсем!
Последний наш свидетель:
(Гонг).

Номер семь!

(Пауза).

Семь!

(Еще раз, сильнее, ударяет в гонг).

Ну?! Если он пропустит срок,
Мы без него сведем итог.
В последний раз!

(Гонг).

Ребенок на костылях
(появляется, с трудом подходит, хочет и не может заговорить. Роняет костыли и исчезает).

Судья

(поднимает костыли и кладет их на ступени).

Судьба тебе шлет *corpoa delicti*,
Чтоб лучше разобрался ты в конфликте.

Тамал

(встает, с неподвижным взглядом).

Я думал покаяньем искупить
Вину пред прошлым и пред настоящим.
Отверженным и дни свои влачащим
Я думал жить!
Но я виновен в несравненно худшем:
Я человека отравил в грядущем!
О сын мой!.. Сын! Мне до конца терпеть
Последний, несмыаемый позор!!
Себе я изрекаю приговор!
Смерть!

(Падая).

Смерть!

Судья

(записывает. Деловым тоном).

Смерть!

V

ТЮРЕМНАЯ КАМЕРА

В глубине сцены узкая дверь с громадным замком. Справа койка. Ночь. Тамал сидит на койке. Дверь со скрипом и треском отворяется. Входит Тюремщик (монах) и ставит на стол лампу. В двери видно звездное небо.

Тюремщик.

Бледнеет небо. К горизонту вскоре
Склонится чаша грузная Весов,
И Лира падает со звоном в море,
И гонит Ночь перед собою Псов,
Почувявших рассвет... Уже упал
Под стол последний пьяница; в квартал,
Где пахнет перегаром и смолой,
Зовет бродягу девка за собой.
Заснувшим крепко снятся то кинжал,
То поцелуй, и их томят тревогой
И радостью, и гонят их дорогой
И бездорожьем в ад и в небеса.
Уж скоро заалееет полоса
Рассветная, и заблестит восток.
Тогда, Тамал, исполнится твой срок.
(Уходит и запирает за собой дверь).

Мужчина

(отделяется от сцены. На нем синий плащ и полумаска).
Вот и я!

Тамал.

Кто ты такой?

Мужчина.

Мужчина!

Тамал.

Что надо тебе?

Мужчина.

Идем, Тамал!

Я пришел за тобой!

Срок твой настал.

Слышишь призыв свободы—

Ждут и земли и воды.

Тамал.

Но не меня!

Мужчина.

До чего ты глуп, Тамал!

Дух мужества ты потерял,

Общаясь с теми, что отупели.

Никто не ждет тебя? Неужели?

(Негромко но с жаром).

А город, что буйно веселится,

Шум улиц, гулко-кипящих,

Толпы на толпы стремящих,

Яркий свет и дикие лица—

Все это тебя радостно не пугает,

Крика из груди твоей не исторгает?!!

Чужд тебе дико-сладостный гений

Мужеубийственных сражений,

Тебе, кому ведом истинный бой—

Когда воздев на чело лавровый

Венок, мы с тысячеголовой,

Призрачной бьемся толпой?!

Как мало в жизни ты испытал!

Тигров когда-нибудь ты стрелял?

На вершину Чимборассо взбирался?

Вплывь через Понт переправлялся?

Южного полюса достичь сумел ты?

В театре La Scala bel canto пел ты?

Был ты одним из атлетов грубых,

Которых женщины так страстно любят,

Брал верх над тем, кто горд непомерно,

Обманывал, вообще, легковыхных,

Был в жизни богом?!

Тамал.

Оставь! я решился!

На сердце мир. Покорен я судьбе.

Мужчина.

Ты из того, что суждено тебе,

Хоть тысячною долей наслаждался?

Тамал.

Мне мерзко наслажденье!

Мужчина.

Карлик! Гном!

Чужих вылизыватель рюмок!

Порочить вздумал

Гиганта, гору! Если в ком

Живет избыток божества—

А он живет во всех без исключения,

В микробе, в каждой ткани естества—

То имя богу—наслаждение!!

И богу этому творят

Молитву каждый слабый вздох

В живой груди, и каждый взгляд.

Святой, аскет и мерзкий гад—

Все сознают, что это—бог!

И даже время на часах

Лишь потому вперед влачится,

Зевая, что надеется в веках

Вознаградить себя и насладиться!

(Подвигается ближе к Тамалу. С дрожью в голосе).

Ты себя уничтожить решил, Тамал?

Но того, что в жизни единственно-тонко

И сладостно, ты ведь не испытал.

Ты собачку мучил в жизни хоть раз?

Под вечер к реке заманил ребенка?

(Смакуя слова).

Как в глубине этих ясных глаз,

На тебя смотрящих с таким доверьем,

Вдруг ужас, страшный ужас мелькнет,

И ты чувствуешь в это время: Вот,

Целый мир могу погубить теперь я!!

И когда его судорожный крик

Под убийственной лаской оборвется,

Ты узнаешь, что в жизни жизнью зовется

И бездну постигнешь в этот миг,

Прелесть страстной игры,

Убийства Святые Дары!

Не самосожжение, а миросожжение,

Как жертва и богооткровенье!

Тамал

*(бросается к мужчине и срывает с него плащ и маску;
перед ним оказывается Человек из зеркала).*

Ты?! Я!

(Мужчина исчезает в стене).

Женщина

(появляется в тот же миг в другом месте стены. Светловолосая, роскошно сложенная; на ней только плотное газовое покрывало).

Вот я!

Тамал.

Ты?!

Женщина.

Женщина. Притом,

Твоя! Во всей вселенной только ты

И я для страсти созданы. Вдвоем

С тобой мы воплощение красоты,

Неповторимый случай совпадения.

И не бывало, от грехопадения,

Такой, безмерно любящей четы.

Он только наслаждение обещал,

Но если мы в любви, Тамал,

Сольемся, то для нас с тобой

Откроется гармония миров,

И мы на крыльях легких облаков

Помчимся над землей,

В объятиях тесно сплетены...

Сознание вины

Не давит груди,

И не гнетет невольный ад,

Когда друг к другу не подходят люди.

Коснись меня!

Тамал.

Как странно! Аромат,

Как от забытой родины.

Женщина
(широко, на подобие вагнеровской фразы).

Пойдем
Со мной и счастье обретем!

Тамал.
Нет, чары прочь! Иное имя я
Твержу в душе!

Женщина.
Не отвергай меня!
(Тихо).

Нас ждут с тобою рощи в странах жарких,
Полдневный свет струится среди пальм,
Мы будем жить в домах нарядно-ярких,
Предавшись пожирающим страстям.
Усталые, заснем мы на балконе
Под звуки обольщающих симфоний,
Заснем, как рыбы на глубоком дне,
И будем слушать музыку во сне!

Тамал.
Но ты бесплодна!

Женщина.
Да, бесплодна я,
И вечной будет красота моя.

Тамал.
Кто ты?

Женщина.
В мой свет навеки погрузись!

Тамал.
Сними с себя личину! Покажись!

Женщина.
Нет, рано, рано! Пощади наш сон!

Тамал.
Сейчас же покажись! Иначе—вон!

Женщина.
Ты губишь счастье!

Тамал
(срывает с нее маску).
Вот, я сам сорвал!

Женщина
(оказывается Человеком из зеркала).

Тамал.
Ты, ты и снова ты!

Женщина
(исчезает).

Тамал.
Я так и знал!

Тюремщик
(входит).
Сейчас сюда один монах придет,
Чтоб подкрепить тебя своей молитвой.

Тамал.
Какой назойливый народ!
На что мне этот духовник твой!
Умру я и без вас!

Тюремщик.

Нет, поздно! Он войдет сейчас.

(Уходит).

Нищенствующий монах
(ряса, капюшон, веревка и длинный посох. Не обращая внимания на Тамала, он трижды плюет во все углы камеры).

Тамал

(покачивая головой).

Что это ты плюешься, дьявол?

Нищенствующий монах.

Потому что в углах, и слева и справа,
Таятся духи тех, кто в могиле.

Чтобы они нас не погубили,
Чтоб обезвредить их род лукавый,
Во все углы дышу и плюю я!

Тамал.

К чему? Через час все равно умру я.

Нищенствующий монах
(визгливо и протяжно).

Люди осторожнее бы говорили,
Если б, как я, побывали в могиле.

Тамал.

Как так?

Нищенствующий монах.

Однажды впал я в сон,
Как мнимо-умерший был погребен,
И в общей могиле проснулся потом.
Кое-что я знаю с тех пор.

Но теперь я посыплю...

(Рассыпает что-то, бегая по камере).

Тамал.

Что за вздор?

Нищенствующий монах.

Я сыплю священной соли крупинки
Из козлиного рога, взамен корзинок.
В соли таинственный смысл сокрыт.
Продукт разрушенья, она хранит
И жизнь вместе с тем от разрушенья.
В древности люди это знали
И мумиям соль в их гробницы клали
Под ноги, в мешках, как украшение.

Тамал.

Это только крыс привлечет из щелей.

Нищенствующий монах.

Да! И крысам польза, на самом деле!
Червям и жабам и прочим гадам,
Что кишат в земле, с человеком рядом.
Эта нечисть, под слоем песку и пыли—
Челядь тления и холопы гнили.
(Протирая руки).

Ты, земной простор и вся жизнь земная,
Ты лишь кладбище, без конца и края!
Кладбище, среди гор и уступов,
Кладбище, среди морских валов!
Есть существа только двух сортов:
Трупы и пожиратели трупов!

Тамал.

Молчи! Молчи!

Нищенствующий монах
(дрожа, придвигается к Тамалу).

Ты подумай о том,
Каково лежать с неподвижным лицом,
Когда сердце не бьется—лежать пластом?
Каково в последний раз вздохнуть?
Кто это знает, тот бы рад вернуть
Все, что было и навек ушло,
Муки жизни, ужасы ее и зло.

Тамал.

Молчи!

Нищенствующий монах
(придвигаясь еще ближе).

Когда бросят в яму тело твое,
И живое чудо, в воде растворясь,
Превратится в мерзость, в плесень и в грязь,
В отвратительное гнилье!
(Обхватывает его).

Когда губы твои, что так горячо
Роняют слово за словом сейчас,
Когда щеки твои, что все еще
Краснеют от пары женских глаз,
Когда запах твой, такой молодой—
Когда все это превратится в гной
И в падаль, вместилище заразы,—
Что ты почувствуешь, скажи, тогда?!

Тамал
(прикрывает лицо руками).

Нищенствующий монах
(поглаживая его).

Холодный пот! Ты дрожишь! Сядь сюда!
(Насильно усаживает его и сам садится рядом, не выпуская руки Тамала).

Давай теперь вместе вспоминать!
Ты ребенком в детском кресле сидел,
Помнишь? Тебя кашей кормила мать
С ложки, ты упирался, не хотел—
Припомни только! А смысл всего—
Какой? Заботливость, нежные слова,
Тревога, радость—во имя чего?
Чтобы вскоре, месяца через два,
Во впадине глаза твоего
Червь закончил гнусное пиршество!

Тамал
(плачет).

Боже!

Нищенствующий монах.

Плачешь?.. Это лишь брменная часть твоя,
Но та, что тоньше, духовней, нежней,
Неистребимее—что будет с ней,
Когда она отлетит от тебя?
Вслушайся как-нибудь в ветра стон—
Что за жуткие звуки приносит он!
Ты видел, как кошка злобой пышет?
Царапанье ночью у двери слышал,
Словно собака скребется, дышет?!
А треск в стене, подозрительно-странный,
Словно кто-то хочет освободиться
Из цепей, из невидимой темницы?
Может быть, покойники—род тумана,
Что подняться хочет вверх и не может,
И людей, в обиталищах их, тревожит,
Злобный страж!!! Может быть, завтра, чуть свет,
Ты узнаешь, так это или нет.

Тамал.

Задыхаюсь! Кто ты?

Нищенствующий монах
(позади Тамала).

Друг, а не враг.
Может быть, я—твой смертный страх,
Жизнь, с обилием радостей, благ!
(—Я, на самом деле, всего лишь Я,)—
Но ты называй как хочешь меня!

Тамал.

Умереть!

Нищенствующий монах.
Стоит только шаг ступить!

Тамал.

Истлеть!!

Нищенствующий монах.
Ну, конечно, придется сгнить!

Тамал
(вскрикивает).

Нет спасенья!!

Нищенствующий монах.

Ну, что ты! Не ори!
(Дотрогивается посохом до двери, она широко растворяется. Брезжит рассвет).
Глупый! Ведь ты свободен, смотри!

Тамал.
(бросаясь к двери).

О счастье!

Нищенствующий монах.

Жизнь приветствует тебя!
(Сбрасывает с себя одеяние дервиша, и перед Тамалом)

Человек из зеркала.

И, вместе с ней, приветствую я!

Тамал
(изумленно смотрит на него).

Человек из зеркала
(светским тоном).

Ну вот, раз мы повстречались снова,
Забудем все, что было дурного.
Нелепой размолвка наша была,
Помиримся же, милый, не помня зла!
Тебя до конца не умел понять я,
Был высокомерен слегка.
Вот рука!

(Расставляет руки).

Кровный друг! Приди в мои объятия!
(Стараясь побороть некоторую нервозность).

Оставим призрачное это царство,
Отказ твой был бы верхом коварства!
(Покровительственно хлопает его по плечу).

Скорее прочь отсюда! Рысцой!

Тамал
(вдохновенно).

Благодарю тебя, о Боже мой,
Что ты открыл мне Истину в борьбе!
Он—дьявольского круга средоточье,
Который тяготеет сам к себе,

Которого не в силах превозмочь я;
Путем греха, насилья, темных дел,
Я сам вступил в его предел.
В нем каждый новый выход лишь обход,
И каждый раз к погибели ведет.
Как был когда-то выстрел мой нелеп!
Я думал им себя освободить!
Теперь я понял: я был слеп—
Я должен самого себя убить.

Человек из зеркала.

Твой пафос, Тамал, все еще не стих.
Ты мастер на героический стих,
Но тебе не даются свободные ритмы—
Те, что против тоски выставляли, как шит, мы.
Все тот же метафизический бред,
Хоралы, гимны, а юмору нет!
Пойми же, и больше не прекословь:
Я твоя единственная любовь!

Тамал.

Хочу умереть.

Человек из зеркала.

Умереть! Зачем?

Кому ты этим пользы прибавишь—
Если мир от себя избавишь?

Тюремщик

(входит с большим бокалом в руке).
(Лучи рассвета проникают в камеру).

Человек из зеркала.

Проклятье!

Тюремщик.

Срок минул. Время близится, Тамал.
Вот, с ядом я принес тебе бокал.
Но выслушай с спокойною душой:
Ты сам себя судил и осудил,
А потому, в дальнейшем, за собой
Помилованья право сохранил.
Решай!

Человек из зеркала.

Вот это так!

Тамал.

Подай мне яд!

(Высоко поднимает бокал).

Во имя сил, которые таят
В себе лучи рассвета...

Человек из зеркала

(хватает Тамала за руки и отводит его в сторону).

Для чего

Ты это затеваешь?

Тамал

(воодушевленный).

Волшебство

Воочию! О! В смертном я экстазе!
О, сладость добровольной жертвы...

Человек из зеркала

(перебивая его).

Фразы!

(Указывая на публику).

Да, правда, ты в театре. Правда, пьешь
Свой яд с большою помпой. Ну так что ж?
Все хлопают тебе единодушно.

А после разбредутся по конюшням
И каждый до утра заснет.
А завтра, если повезет,
Тебя похвалят в отзывах газеты.
Восторг всеобщий—но тебя уж нету.
Умрешь у рампы, на виду у всех,
Иль на кресте—в конце концов, успех.
(Благодушно).

К тому же роль нетвердо знаешь ты!

Тамал.

Прочь, обольщение суеты!

Человек из зеркала.

Уж это так! И тенор и святой
Не прочь от рампы, светом залитой.

Тамал.

Как!? Неужели в мире все игра?

Человек из зеркала.

Конечно! И на все своя пора!

Тамал

(обращаясь лицом к восходу).

Так я ко дню за помощью взываю!

Человек из зеркала.

И день—кулиса только мировая!

Тамал.

И нет спасенья!

Человек из зеркала.

Выслушай: оно

Лишь в том, что есть, не в том, что быть
должно.

(Рассудительно).

Две силы нам ниспосланы судьбой.
Они ведут борьбу между собой.
Одна из них кипит, бурлит в крови—
Ее ты силой жизненной зови!
Другая—воля к смерти, но на слух
Приятнее названья: совесть, дух!
На ней личины: грех и преступленье,
Но что за ними? Смерти нетерпенье!
Мне только сила первая верна,
Она в меня безумно влюблена!
Давно бы Бог не стал творить, давно бы
Чорт перестал в его дела мешаться,
Когда б во мне не отражались оба!
И ты задумал вдруг со мной тягаться?
Все то, что было создано людьми,
Их гением, упорно-прихотливым,
Заклочено меж жизненным порывом
И смертною иронией, пойми!
Одумайся, пока не поздно,
Простое правило усвой!
Тебе угодно жизнь принять серьезно?
Тогда считайся с силою второй!

Тамал.

О, легкий дух падения, поверь,
Что есть потребность и в любви,
И что она живет теперь,
Как и всегда, в моей крови.

И если с жизнью дерзко я играл,
И в грязь, в конце концов, упал,
И, падая, других увлек,
То все-таки мне близок Бог,
Я все-таки всегда уверен в нем—
В прообразе божественном моем.

Человек из зеркала
(вне себя).

Ах, абсолют?? Мираж и навожденье!!
Ложь до конца?? Самоуничтожение!

Тамал
(поднимает бокал).

Я выпью!!

(Подносит к губам).

Человек из зеркала
(в ужасе).

Не пей!

Тамал.

За свободу, которой
Всю жизнь свою я алкал!

Человек из зеркала
(дрожит).

Вернись в монастырь!

Тамал
(в экстазе).

Свет! Просторы!

Человек из зеркала
(скорбно и вместе с тем пуская в ход последний шанс).
Даже—меня—не любил—ты,—Тамал!

Тамал
(пытливо глядя на него).

Да, правда! Так расстанемся с тобой!
(Делает первый глоток)

Человек из зеркала.

Ах! Снизу—холод—ледяной.

Неожиданно он оказывается стоящим на слегка наклоненном зеркале, поднявшемся из провала в полу. Зеркало начинает блестеть все сильнее и сильнее. Волны серебристого света бьют из него. Тысячи зайчиков прыгают по сцене.

Тамал
(пьет).

Человек из зеркала
(медленно опускается в волнах серебристого пламени).

Пламя! Пламя!
Холод! Озноб!
Пальцы! Ноги!
Окоченел!
Тело лжет!
Тень снова,
Тень!

(Опустившись до уровня груди, задерживается в этом положении, так как Тамал отнимает бокал от губ).

Человек из зеркала.

Бог, спаси!
Тело милое верни!
Пригвожден!
О

Тамал
(торжествуя).
Умри!
(Пьет до дна).
Человек из зеркала
(с ужасающим криком).
Кррр!!...
(Проваливается).
Тамал
(швыряет пустой бокал в сторону и рвет платье на груди).
Рана!
(Падая).
Блаженство!..
Тюремщик
(подхватывая его).
Ты исцелен.
(Подает знак: появляются люди с носилками).
Тюремщик надевает клобук и превращается в монаха из первой части трилогии.

— o — o — o —

ЭПИЛОГ МОНАСТЫРЬ

Сцена представляет уходящее вглубь помещение, озаренное каким-то неопределенным светом. В глубине гигантское зеркало, как бы прикрывающее портал; оно испускает матовые лучи. Нигде ни дверей, ни окон. По обеим продольным стенам цыновки. С каждой стороны сидят неподвижно по тринадцати монахов, опустив взоры вниз, на свой живот. Каждый из них является сам для себя источником света — каждый окружен матово-серебристым сиянием.

Впереди, на возвышении, носилки, и на них Тамал. Тело покрыто погребальными полотнами. За носилками монах, в клобуке и с посохом. Настоятель подходит к носилкам и приподнимает покров.

Настоятель.

Встань!

Тамал
(приподнимается; на нем длинные, свисающие одежды).

Я не умер разве?

Настоятель.

Это тайна.

Тамал
(сбивчиво).

Я выпил... яду... потерял сознание.
То был сон?

Настоятель.
Навеки это тайна

Тамал.

Воскрес???!!

Настоятель.
Вопросов не задавай!
(Указывая на монаха).

Он будет спрашивать.

—Ты отвечай!

Монах
(подходя).

Тамалом звавшийся, ты узнаешь меня?

Тамал.

Ты!

Монах.

Кто был я?

Тамал.

Ты был всегда—Судья!—

Тюремщик—Демон—Сторож—Властелин...

Монах.

Скажи, ты сердишься, мой сын?

Тамал
(целует ему руку).

Монах.

Тебя не стану больше искушать,
Но должен ты еще ответ держать.
(Берет Тамала за руку и водит его по небольшому замкнутому кругу).

День или ночь? Светло или темно?

Тамал.

Ночь!

Монах.

Скажи: мне кажется, темно.
(Проходят еще раз по кругу).

Что это?

Тамал.

Зеркало!

Монах.

Уверен ты?

Тамал.

Сверкает зеркало из темноты,
Огромное!

Монах.

А что теперь, взгляни?

(Семь дряхлых монахов в рясах, сотканых из древесной зелени, медленно проходят перед зеркалом).

Тамал.

Ряд старцев. Мимо зеркала они
Идут...

Монах.

А дальше?

Тамал.

В лицах—тихий свет,

Улыбка...

Монах.

Дальше!

Тамал.

Отраженья нет!

Да! В зеркале их отраженья нет!

Монах.

А сам ты?

Тамал

(подбегает к зеркалу, вскрикивает и падает на колени).

И моего нет!!—Знаю:—Умер—я!!

Монах

(последовавший за ним, ласково).

Коснись теперь!

Тамал

(дотрогиваясь до зеркала).

Сильнейшее волшебное сотрясение. Зеркало разом превращается в гигантское окно. Отовсюду врывается ослепительный дневной свет. За окном—особый мир чарующих красок и очертаний в непрестанном движении. Для зрителя он означает как бы высшую реальность, доступную только для действующих лиц на сцене.

Монах.

Встань и смотри!

Тамал

(ослепленный, отворачивается).

Восторг! Невыносимый блеск зари!

Монах

(торжественно).

Вторая жизнь окончена; в ночи
Блеснули утра нового лучи.
Зеркальный мир, что силой волшебства

Отображает в лицах естества
Наш облик, искаженный и превратный,
Замкнулся за тобою безвозвратно.
Мы все прошли сквозь этот мир, как ты,
И ужасы земные созерцали:
Все существа в угоду нам страдали
И стали жертвой нашей суеты.

(Пауза).

И мы прошли сквозь мрак и заблуждение,
И мы, в ночи земного бытия,
Освободили неизменное „я“,
Лишились своего отображенья.
Вот, ты возник для нового прозренья,
Глухое честолюбье погасил,
Противоречья темных, тайных сил.
Из смерти, из того, что смутно-скорбно,
Что шатко, половинчато и зло,
Ты восстаешь, чтоб различать свободно
Большой рассвет от Дня,—когда светло!

Тамал

(обратясь лицом к kaleidoscopически-меняющемуся пейзажу в окне).

Я вижу—Я вижу—Я вижу!—

Настоятель

(подходит к нему).

Ты всех нас моложе в новом рожденьи,
Прими ж этот пояс, как знак правленья!
Еще не остыл ты от жизни порочной
И с темною Майею связан прочно.
Должен помнить о власти, о долге, о деле,
Продолжать бескорыстные цели.
Потом, одной любовью влекомый,

Ты взойдешь по ее крутым под'емам,
Чтоб покой обрести в последнем свершеньи,
В блаженном конце, в самоисчезновеньи.
(С силою).

Прими же!

Тамал
(препоясывается).

Настоятель и Монах
(склоняются перед ним).

Двадцать шесть монахов сидят неподвижно, с застывшею
на лицах кроткою улыбкой.

Конец магической трилогии.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие А. Гвоздева	7—16

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Зеркало	17—52
Der Spiegel	

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Одно за другое	53—154
Eins ums andere	71

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Окно	155—224
Das Fenster	